

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник статей

Часть II

Москва • 2011

УДК 340
ББК 67.0
А43

А43 **Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых:** сб. статей (по материалам Второй научно-практической конференции молодых ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, проведенной 25 июня 2010 г.): [в 2 ч.] / [под ред. О.С. Капинус]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2011. – Ч. II. – 104 с.

В сборнике представлены выступления и тезисы выступлений участников конференции молодых ученых, проведенной в Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 25 июня 2010 г.

Предназначен для работников органов прокуратуры, а также преподавателей и студентов юридических вузов.

УДК 340
ББК 67.0

© Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2011

А.Н. Курдюков,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**Некоторые аспекты преодоления прокурором
противодействия уголовному преследованию
в судебном заседании первой инстанции
при рассмотрении уголовных дел о преступлениях
коррупционной направленности**

Противодействие уголовному преследованию всегда являлось актуальной проблемой для практических работников и объектом изучения для ученых-криминалистов и процессуалистов. Противодействие уголовному преследованию может осуществляться различными субъектами и абсолютно по различным категориям уголовных дел. В рамках настоящего исследования опрос 200 прокурорских работников выявил – 100% респондентов указывают, что по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности оказывается противодействие уголовному преследованию.

Возникновение данной проблемы, особенно в последнее время, при рассмотрении в суде уголовных дел коррупционной направленности вызвано тем, что многие дела данной категории расследуются в отношении должностных лиц органов исполнительной власти, местного самоуправления либо правоохранительных органов, что предоставляет подозреваемым, а также обвиняемым и подсудимым широкий спектр возможностей использования своих должностных полномочий либо имеющихся связей с целью воздействия на потерпевших либо свидетелей и изменения их показаний в выгодную для подзащитных и их адвокатов сторону.

Противодействие может начаться с того момента, когда подозреваемому или обвиняемому становится известно об уголовном преследовании в отношении него, что не исключает возможности начала противодействия в любой момент уголовного судопроизводства. И если уголовное дело было окончено расследованием (вопреки противодействию со стороны заинтересованных лиц или при отсутствии такового) и направлено в суд для рассмотрения по существу, то это обстоятельство не означает прекращения противодействия уголовному преследованию, либо то, что оно не возник-

нет. Э.У. Бабаева отмечала, что «для судебного следствия, так же как и для предварительного расследования, характерны ситуации, которым присущи информационная недостаточность, конфликтность взаимоотношений между участниками процесса, появление новой информации либо изменение уже имеющейся»¹.

Способы противодействия уголовному преследованию различны. В частности, упомянутый автор к ним относит:

отказ от данных на предварительном следствии показаний обвиняемым, свидетелями защиты;

отказ от показаний, данных на предварительном следствии;

изменение показаний подсудимым и свидетелями защиты;

изменение показаний потерпевшим или свидетелями обвинения в результате воздействия родственников, близких подсудимого;

представление адвокатом фальсифицированных документов, подтверждающих алиби подсудимого;

неявка в суд свидетелей обвинения;

симуляция заболевания подсудимым или адвокатом с целью затянуть судебное следствие;

многочисленные жалобы на действия прокурора с целью отстранения его от участия в процессе и замены на менее опытного прокурора².

Данный перечень, на наш взгляд, не является исчерпывающим. К формам противодействия уголовному преследованию также можно отнести:

попытки подкупа судей, государственных обвинителей, свидетелей, потерпевших;

применение насилия или угроз в отношении судей, государственных обвинителей, присяжных заседателей, свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов;

применение угроз или насилия в отношении подсудимых, ранее дававших показания, избобличающие организаторов и других участников преступления;

вызов в суд для допроса «подставных» свидетелей для опровержения показаний свидетелей стороны обвинения;

попытки уничтожения находящихся в суде уголовных дел и вещественных доказательств;

¹ Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. М., 2006. С. 123.

² Там же.

психологическое воздействие на участников уголовного судопроизводства (организация пикетов с требованиями освободить подсудимого от уголовной ответственности, публикации в СМИ, в том числе дискредитирующие деятельность правоохранительных органов).

О тактике и методике поддержания государственного обвинения, способах и методах ведения допроса подсудимых, свидетелей и потерпевших в конфликтных ситуациях, в том числе отказывающихся от своих показаний или меняющих их по сравнению с данными на предварительном следствии, уже многое сказано.

Но очевидно, что никакие ораторское мастерство и владение психологическими приемами убеждения не помогут в случае, если свидетель или потерпевший реально опасается каких-либо угроз или неприятностей со стороны подсудимого, его родственников или знакомых.

В таких случаях, на наш взгляд, государственному обвинителю нельзя ограничиваться методикой поддержания государственного обвинения, а необходимо использовать весь доступный арсенал предоставленных законом средств по преодолению противодействия уголовному преследованию, включая меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает ряд норм, позволяющих осуществлять эффективное преодоление противодействия уголовному преследованию в подобных ситуациях. Так, ч. 5 ст. 278 УПК РФ наделяет судью правом провести допрос свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства и без оглашения подлинных данных о его личности. Реализуется данная норма путем вынесения судом мотивированного постановления или определения при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц. Государственный обвинитель при возникновении необходимости применения данной нормы закона должен заявить суду мотивированное ходатайство о проведении подобного допроса. При этом следует иметь в виду, что в тексте ходатайства необходимо не только обосновать необходимость проведения допроса лица в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, но и не допустить содержания сведений, которые могут раскредитовать подлинные данные о личности свидетеля.

Европейский Суд по правам человека допускает допросы таких свидетелей при соблюдении некоторых условий:

1) обвинительный приговор не должен основываться единственно или в решающей степени на анонимных утверждениях;

2) судебное разбирательство должно быть справедливым в целом, включая способы получения доказательств;

3) интересы защиты должны быть соизмеримы с интересами тех свидетелей или жертв, которых вызвали в суд для дачи показаний;

4) доказательства должны быть представлены, как правило, в ходе открытого слушания, в присутствии обвиняемого с тем, чтобы обеспечить состязательность сторон (исключения из этого правила не должны нарушать право обвиняемого на защиту, и он должен иметь возможность оспаривать показания свидетелей обвинения).

При таком допросе свидетель может находиться в совещательной комнате или другом помещении, расположенном в непосредственной близости от зала судебного заседания, куда удаляется судья, для удостоверения его личности, после чего допрос может проводиться с использованием микрофона и специальной аппаратуры, изменяющей голос свидетеля, с целью сохранения его личных данных втайне. Следует отметить, что при этом сторона защиты не сможет сослаться на нарушение принципов непосредственности и состязательности судебного разбирательства, поскольку сторонам при такой процедуре допроса предоставляется возможность задавать вопросы свидетелю.

Подобная норма безопасности применяется, например, в Норвегии в случаях, когда необходимо допросить малолетнего свидетеля или потерпевшего. Показания фиксируются письменно, после чего предоставляются сторонам для ознакомления, и стороны, в свою очередь, в письменной форме могут передать свои вопросы допрашиваемому лицу через судью.

Следует отметить, что практика участия в судебных разбирательствах защищаемых лиц под псевдонимом в нашей стране уже имеется. Еще более широкое распространение подобная мера защиты получила в странах Европы (Германия, Чехия, Словакия, Латвия).

Кроме того, ч. 4 ст. 275 УПК РФ предусматривает возможность проведения допроса одного подсудимого в отсутствие другого. Данную норму целесообразно применять в случаях, когда в качестве соучастников коррупционного преступления выступают

руководитель организации и его подчиненный, через которого осуществлялась передача незаконного вознаграждения. Как правило, в таких случаях подчиненный опасается мести своего начальника за правдивые показания, изобличающие его в совершении преступления, либо просто в силу привычки субординации подсудимому психологически тяжело в присутствии начальника (пусть иногда и бывшего) давать четкие последовательные показания. Но в этом случае следует иметь в виду, что указанная норма Закона обязывает суд ознакомить подсудимого с содержанием показаний, данных в его отсутствие, и предоставить возможность задать вопросы подсудимому, допрошенному в его отсутствие. Государственный обвинитель должен быть готов заявить ходатайство об отводе наводящих вопросов, не относящихся к сути показаний и направленных на их изменение.

Отдельной проблемой противодействия уголовному преследованию является неявка в суд свидетелей обвинения в результате угроз подсудимых или их сообщников. Иногда свидетели, опасаясь активных незаконных действий в их адрес, меняют место жительства и уезжают в другие населенные пункты, что еще более затрудняет их явку в судебное заседание.

Некоторые авторы предлагают в этом случае производить допрос защищаемого лица вне зала судебного заседания с использованием средств видеоконференцсвязи, без демонстрации изображения допрашиваемого и с искажением его голоса¹. При этом, по мнению ученых, такой допрос будет являться разновидностью допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля участниками судебного разбирательства, что позволит не вызывать в суд свидетеля, находящегося в безопасном месте. При этом предполагается, что в месте, где находится допрашиваемое лицо, присутствует судебный пристав, удостоверяющий достоверность данных о личности лица.

Подобная практика существует в некоторых европейских странах и довольно интересна, но, на наш взгляд, применять подобную процедуру в России, без прямого закрепления в законе необоснованно, поскольку в данном случае не реализуется надлежащим образом процедура предупреждения под роспись сви-

¹ См.: *Жук О.Д.* Оперативно-розыскное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ. М., 2010. С. 203; *Халиулин А.Г.* Использование телекоммуникаций в уголовно-процессуальной деятельности. // Прокурорская и следственная практика. 1999. № 1 – 2. С. 175 – 178.

детеля или потерпевшего об отказе от дачи показаний и о даче заведомо ложных показаний.

Разумеется, что государственный обвинитель не должен ограничиваться при преодолении противодействия уголовному преследованию нормами УПК РФ. Необходимо также широко применять меры, предусмотренные другими нормативными правовыми актами, в том числе возможностями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Реализуя весь комплекс мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, предусмотренных федеральным законодательством, и возможности оперативных подразделений правоохранительных органов, государственный обвинитель способен преодолеть даже интенсивное противодействие уголовному преследованию, в том числе по особо сложным и резонансным делам о преступлениях коррупционной направленности.

Е.А. Кухтяева,
соискатель Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Правовая природа вердикта

Вердикт (от лат. *vere dictum* – верно сказанное)¹ – решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей (п. 5 ст. 5 УПК РФ).

Согласно Уставу Уголовного судопроизводства 1864 г. содержание вердикта составляли ответы присяжных заседателей на вопросы коронного суда. Свое решение присяжные выражали утверждением либо отрицанием и сопровождали краткими пояснениями. При вынесении вердикта присяжные могли смягчить участь подсудимого, дополнив ответы фразой: «Подсудимый заслуживает снисхождения». Обязать присяжных сделать снисхождение не могли ни участники процесса, ни кто-либо еще. Даже постановка этого вопроса на голосовании находилась в исключительной компетенции присяжных заседателей.

¹ *Словарь иностранных слов*. М., 1988. С. 100.

Состоявшийся вердикт присяжных заседателей имеет значение непоколебимого акта правосудия. Судья обязан положить вердикт в основу своего решения без каких-либо изменений¹. Оправдательный вердикт коллегии присяжных заседателей всегда обязателен для председательствующего и влечет за собой постановление им оправдательного приговора. Обвинительный вердикт обязателен, за исключением двух случаев: если председательствующий признает, что деяния подсудимого не содержат признаков преступления и если не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления. На наш взгляд, именно в этом проявляется особая значимость решения коллегии присяжных заседателей, в отличие от процедур постановления приговора в шеффенском суде. В суде, где судья и заседатели образуют единую коллегию, заседатели почти всегда подчиняются судье, поскольку «в вопросах права самые образованные шеффены всегда подчиняются взглядам судьи»².

Рассмотрим место вердикта присяжных заседателей среди процессуальных актов, принимаемых в уголовном судопроизводстве.

Закон устанавливает такую форму этих актов, которая дает возможность полно отразить в них ход и результаты проведения следственных и судебных действий, принятое решение, а в дальнейшем использовать полученные данные при расследовании, рассмотрении, разрешении уголовного дела и проверке законности и обоснованности проведенных действий и принятых решений.

Одну группу процессуальных актов составляют протоколы следственных и судебных действий, в которых удостоверяется факт производства, содержание и результаты следственных и судебных действий. Другую группу составляют решения. Это правоприменительные акты, содержащие ответы на правовые вопросы, возникающие при производстве по делу, и властные предписания о правовых действиях.

Процессуальные решения могут быть выражены в форме постановления, определения либо приговора. Они различаются по государственным органам, должностным лицам, их принимающим, по кругу вопросов, по процессуальному порядку их принятия и форме изложения.

¹ *Немытина М.В.* Российский суд присяжных. М., 1995. С. 99.

² *Даневский В.* Сравнительное обозрение некоторых форм суда. М., 1894. С. 16.

В ст. 5 УПК РФ законодателем указывается, что приговор, постановление, определение являются решением. Пункт 5 этой же статьи говорит о том, что вердикт – это решение коллегии присяжных заседателей. Так можно ли отнести вердикт в эту же группу правоприменительных актов уголовно-процессуального права? Для ответа на этот вопрос рассмотрим признаки, которыми можно охарактеризовать процессуальные решения как акты применения уголовно-процессуального права.

1. Решения выносятся только уполномоченными на то государственными органами, должностными лицами.

Участвующих в рассмотрении уголовного дела присяжных заседателей мы можем отнести к понятию «уполномоченные лица», так как ст. 333 УПК РФ предусмотрены права присяжных заседателей.

2. Выражают властное веление, подтверждают, изменяют или прекращают уголовно-процессуальные отношения, подтверждают наличие или устанавливают отсутствие материально-правовых отношений.

На основании вердикта, постановляемого присяжными заседателями, профессиональным судьей выносится окончательный приговор.

3. Принимаются в установленном порядке и выражаются в определенной законом форме.

Порядок постановления и форма вердикта коллегии присяжных заседателей определены ст. 341 – 343 УПК РФ.

Решение в уголовном судопроизводстве – это облеченный в установленную форму правовой акт, в котором орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, суд в пределах своей компетенции в предусмотренном законом порядке делают вывод об установленных фактических обстоятельствах и на основе закона дают ответы на возникающие по делу правовые вопросы и выражают властное волеизъявление о действиях, вытекающих из установленных обстоятельств и предписаний закона. Невыполнение установленных законом требований к форме актов влечет за собой признание их недействительными и отмену актов. В УПК РФ указаны такие требования к содержанию и форме актов, которые дают возможность судить о том, соблюдены ли правила процессуальной формы производства того или иного процессуального действия, соответствует ли принятое по уголовному делу решение обстоятельствам дела и правовым нормам.

Решение является законным тогда, когда оно вынесено при точном соблюдении норм процессуального права и в соответствии с нормами материального права. В отношении вердикта требуется только лишь соблюдение законности процессуального порядка его вынесения и провозглашения.

Решение является обоснованным тогда, когда в нем отражены имеющие значение для данного дела факты, подтвержденные проверенными доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об относимости и допустимости, а также тогда, когда правовые выводы и предписания, содержащиеся в решении, вытекают из установленных фактов. Обоснование решения находит свое выражение в его мотивировке. Законность и обоснованность – взаимообусловленные свойства решения.

Уголовно-процессуальные решения выражаются в документе, имеющем определенную форму, которая включает вводную, описательную (описательно-мотивировочную) и резолютивную части.

Форма решения как документа находится в неразрывной связи с теми требованиями, которым в соответствии с уголовно-процессуальным законом должно отвечать его содержание. В решении должны точно и правильно отражаться фактические и юридические основания, мотивы и выводы о правовых последствиях, вытекающих из рассмотренного дела (правового вопроса).

Проанализировав действующее уголовно-процессуальное законодательство, следует сделать вывод о том, что вердикт как процессуальный документ необходимо отнести к таким правоприменительным актам уголовно-процессуального права, как решения.

Современное законодательство и судебная практика государств, относящихся к англо-саксонской системе права, в которых функционирует суд присяжных, знают две формы вердикта: общий и специальный. В связи с этим возникает вопрос о видовой принадлежности вердикта российского суда присяжных.

В Англии общим вердиктом именуется решение жюри присяжных по вопросу виновности подсудимого, а специальным¹ –

¹ В английском судопроизводстве специальным вердиктом может также именоваться решение суда в отношении подсудимого, заболевшего душевной болезнью. (См.: *Апарова Т.В.* Суды и судебный процесс Великобритании. М., 1996. С. 119).

решение по вопросу доказанности определенных фактов¹. При этом в Англии, например, вердиктом называют согласие (несогласие) коллегии присяжных заседателей с обвинительным актом². В России вердикт выносится в форме ответов на сформулированные и постановленные в ходе судебного разбирательства отдельные вопросы, которые призваны исчерпать все содержание обвинения.

На наш взгляд, такое видовое отличие вердиктов обусловлено традиционным различием двух правовых систем: континентальной и англо-саксонской. В основе общего права лежит практика разрешения конкретной проблемы (споров) судьями и «немедленное восстановление статус-кво»³. В соответствии с сущностью процесса английские присяжные выносят вердикт в рамках обвинительного акта.

Анализ ст. 339 УПК РФ, позволяющей после основного вопроса о виновности подсудимого ставить частные вопросы об обстоятельствах, увеличивающих или уменьшающих степень виновности либо изменяющих ее характер, свидетельствует о том, что закон предоставил судье широкие дискреционные⁴ полномочия в ее применении. Впрочем, ст. 751 Устава уголовного судопроизводства также указывала на то, что основанием для постановки вопросов присяжным заседателям могли служить не только выводы обвинительного акта, но и результаты судебного следствия и заключительных прений сторон, которые, бесспорно, оказывают влияние на постановку вопросов перед присяжными заседателями.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что вердикт присяжных заседателей в российском уголовном процессе является общим. Это суждение находит свое подтверждение в действующем законодательстве, которое, во-первых, включает в перечень трех основных вопросов, подлежащих разрешению присяжными, вопрос о виновности подсудимого; во-вторых, допускает возможность постановки одного вопроса о виновности подсудимого, объединяющего три основных вопроса (ст. 339 УПК РФ).

¹ *Тальберг Д.Г.* Русское уголовное судопроизводство. Т. 1. Киев, 1889. С. 54; *Снасович В.Д.* О постановке вопросов присяжным заседателям и о порядке произнесения ими приговоров // Журн. Министерства юстиции. 1897. № 1. С. 6.

² *Буцковский Н.* Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. СПб., 1874. С. 222.

³ *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 42.

⁴ Дискреционная власть – предоставление органу или должностному лицу полномочия действовать по собственному усмотрению в рамках закона.

Представляется, что вердикт присяжных заседателей – это дистанцированное по времени и по месту от профессионального судьи, самостоятельное, принятое в суде первой инстанции решение коллегии присяжных заседателей по вопросам доказанности фактов и установления на их основании виновности или невиновности подсудимого, обуславливающее вид приговора и размер наказания за содеянное, а также ход и направленность дальнейшего разбирательства по делу до вынесения приговора.

И.Д. Медвецкая,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Понятие «экстремальные условия» при совершении невинного деяния

Согласно ч. 2 ст. 28 УК РФ деяние признается совершенным невинно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

В связи с отсутствием в уголовном законодательстве определения понятия «экстремальные условия» учеными предпринимаются попытки дать определение, наполнив его уголовно-правовым содержанием.

При этом в настоящее время в специальной литературе авторами используются различные формулировки, характеризующие специфические ситуации. Выделяются следующие синонимичные определения: «чрезвычайная ситуация», «особые условия», «экстремальные условия», «чрезвычайные обстоятельства», «провоцирующие ситуации». Этот перечень свидетельствует о том, что не существует единой терминологии для описания исследуемых ситуаций¹.

¹ Морозов В.И., Коткова Ю.С. Невинное причинение вреда, обусловленное экстремальной ситуацией или нервно-психическими перегрузками. Тюмень, 2005. С. 16.

Важно отметить, что понятие «ситуации» не следует отождествлять с понятием «условиям». Условия – это те обстоятельства, от которых что-либо зависит, это обстановка, в которой что-либо происходит¹. Ситуация – это событие, возникновению которого способствовали в том числе имевшие место условия. Представляется, что условие и ситуация соотносятся друг с другом как общее и частное, так как при наличии условий ситуация может и не возникнуть. В случае если причиной случившейся ситуации являются факторы, не входящие в содержание условий, то сравниваемые термины не будут иметь ничего общего.

Одновременно ученые сходятся во мнении, что правильным подходом к пониманию сущности экстремальных условий будет неременный учет широкого круга обстоятельств.

Представляется, что методологически общим критерием для различных определений понятия «экстремальные условия» является наличие опасности, возникающей в результате взаимодействия трех основных составляющих: человек – деятельность – технологии.

Перед изложением различных позиций ученых следует привести высказывание Б.Б. Косова о том, что «внешние факторы – это факторы среды, а внутренние – самого субъекта»². Учитывая сказанное, соответствующий порядок будет соблюден при определении термина «экстремальные условия».

Ситуация относится к чрезвычайной, если имеются такие признаки, как внешняя неожиданность, внезапно возникшая обстановка, которая характеризуется неопределенностью, остроконфликтностью, стрессовым состоянием населения, значительным социально-экологическим и экономическим ущербом (прежде всего человеческими жертвами), необходимостью быстрого реагирования, крупными людскими, материальными и временными затратами³. При таких обстоятельствах лицо, совершившее общественно опасное деяние, которое оно не могло предотвратить в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий, невиновно. Для признания отмеченного факта

¹ Казаков Ю.Н. Психолого-акмеологическая сущность экстремальных ситуаций в деятельности муниципальных служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2008. № 4.

² Косов Б.Б. Проблемы психологии восприятия. М., 1971. С. 34.

³ Морозов В.И., Коткова Ю.С. Невиновное причинение вреда, обусловленное экстремальной ситуацией или нервно-психическими перегрузками. Тюмень, 2005. С. 18.

не требуется наличие совокупности указанных признаков – достаточно присутствие одного из них.

По мнению С.В. Веклеенко, «в уголовно-правовом значении к экстремальным условиям следует относить вызываемые факторами природного (стихийные бедствия, экологические катастрофы), биологического (действия животных, эпидемии, эпизоотии) или социального (действия или бездействие как отдельных граждан, так и различных групп) характера ситуации повышенной опасности для жизни и здоровья людей, правопорядка, сохранности материальных и культурных ценностей»¹.

Ю.Н. Демидов под экстремальными условиями понимает совокупность факторов, вызываемых явлениями природного или общественного характера, которые резко нарушают нормальные условия жизни населения, общественную безопасность и правопорядок, влекут рост преступности, сопровождаются трудно предсказуемыми, тяжкими последствиями, часто являющимися по своему характеру общественными бедствиями, существенно усложняют правоохранительную деятельность, требуют оперативного принятия дополнительных правовых, организационных и иных мер².

Приведенные определения носят сугубо объективный характер и не рассматривают внутреннее отношение лица, совершившего общественно опасное деяние, в таких условиях, которые могут привести к неспособности лица предотвратить указанные обстоятельства в силу несоответствия своих психофизиологических качеств.

Проведя обобщение научных мнений по данной проблеме, В.И. Морозов и Ю.С. Коткова подвели итог: «экстремальные условия, или экстремальные ситуации, – такие внешние обстоятельства, которые могут существовать только при наступлении опасных событий в сфере общественных и военно-политических межгосударственных отношений. Основными признаками таких ситуаций принято считать возросшую опасность для жизни и здоровья людей, нормального функционирования государственных и общественных институтов, а также угрозу суверенитету государства. Как следствие перечисленных выше событий на

¹ Веклеенко С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве. Омск, 2002. С. 176, 177.

² Демидов Ю.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с правонарушениями в экстремальных условиях: учеб. пособие. М., 1993. С. 7.

территории государства возможно объявление чрезвычайного или военного положения»¹.

Следует согласиться с мнением последних, что экстремальные условия могут характеризоваться все-таки достаточно широким масштабом, в том числе и масштабом последствий. Однако в контексте ч. 2 ст. 28 УК РФ возможно наступление общественно опасных последствий в силу несоответствия психофизиологических качеств субъекта экстремальным условиям, и при этом совсем не обязательно, что эти ситуации будут носить общегосударственный характер. В связи с чем выделяется вторая группа мнений ученых.

Так, под экстремальными, по мнению О.Д. Ситковской, понимаются обстоятельства неординарные, чрезвычайные, непривычно трудные и сложные. В психологии к этим условиям относят ситуации, которые предъявляют человеку требования, выходящие за пределы функционального диапазона его приспособительных возможностей².

Ю.С. Коткова полагает, что экстремальные ситуации требуют незамедлительного вмешательства и связаны с ощущением и переживанием дискомфорта, вызванного угрозой для охраняемых уголовным законом общественных отношений. В контексте нормы о невиновном причинении вреда источником опасности может быть либо сам субъект, либо опасность порождена действиями третьих лиц, либо объект представляет собой самостоятельный источник повышенной опасности, либо подобная ситуация стала возможной в связи с внешними природными обстоятельствами³.

Вместе с тем следует согласиться, что все перечисленные определения характеризуют лишь внешнюю сторону экстремальных ситуаций, но не раскрывают их сущности, опираются при этом лишь на обозначение источников подобных ситуаций⁴ и сопряженные с ними ощущения лица. Анализируются лишь процессы и явления природы без характеристики внутренних, психологических факторов⁵, приводящих в несоответствие психофизиологические качества человека требованиям экстремальных условий. Необходимо отметить, что пределы функционального диапазона отдельно-

¹ Морозов В.И., Коткова Ю.С. Указ. соч. С. 18.

² Ситковская О.Д. Психология и уголовная ответственность. М., 1999. С. 23.

³ Коткова Ю.С. Субъективная сторона преступления. Тюмень, 2008. С. 25.

⁴ Морозов В.И., Коткова Ю.С. Указ. соч. С. 18, 19.

⁵ Там же. С. 19.

го субъекта строго индивидуальны, и от них зависит субъективное отражение экстремальной ситуации. Здесь прослеживается тенденция к сужению понятия «экстремальные условия» и ограничению их лишь рамками реакции человеческого организма.

Конечно, понимание экстремальных условий различными авторами варьируется, их определения в чем-то совпадают либо противоречат, но абсолютно полной картины не дают.

Принимая во внимание изложенное, а также предмет уголовного права, следует заключить, что описанные условия подлежат исследованию посредством изучения восприятия их человеком, так как наличие определенных обстоятельств влечет причинение вреда невиновно, психическое отношение лица к происшедшему отсутствует.

Необходимо отметить и еще одну особенность воздействия чрезвычайных факторов на совокупность психофизиологических качеств субъекта – это невозможность определения объективного порога, при котором воздействие экстремальных условий у любого человека вызовет напряжение психических процессов, при котором он не в силах предотвратить наступление общественно опасных последствий.

Установлено, что психофизиологические возможности людей под влиянием экстремальных ситуаций характеризуются признаком вариативности, зависят от индивидуальных особенностей нервной системы, объема профессиональных знаний и навыков, жизненного опыта и т.д.¹

В противовес данной позиции существует точка зрения, согласно которой человек является предсказуемой системой, реализующей себя в полном соответствии с индивидуальными психофизиологическими особенностями². И все же любая жизненная ситуация имеет наряду с объективным содержанием и субъективную наполненность, а значит, роль ситуации определяется прежде всего тем, какое субъективное содержание вкладывает лицо в оценку ситуации. Одни и те же внешние обстоятельства могут трактоваться разными людьми по-разному, в том числе и полярно³.

¹ Морозов В.И., Коткова Ю.С. Указ. соч. С. 24.

² Брыка И.И. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика лиц с непатологическими психическими отклонениями, не исключаяющими вменяемости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15.

³ Дурманов Н.Д. Общие основания учения о причинной связи // Вопросы уголовного права. М., 1944. С. 46 – 54.

В связи с этим лицо, осуществляющее деятельность, связанную с экстремальными условиями и нервно-психическими перегрузками, может быть признано виновным только в случае, если его субъективные качества соответствовали объективным требованиям ситуации и оно предвидело общественно опасный характер своих действий (бездействия), предвидело их общественно опасные последствия либо не предвидело, но могло по своим субъективно личностным качествам их предвидеть и предотвратить¹.

Например, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ Р. признан виновным в причинении смерти по неосторожности двум лицам по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Суд пришел к правильному выводу, что Р. преступление в отношении Х.А. и С. совершил по небрежности, когда он, полагая о реальном посягательстве на него Х.А. и С. и производя в них выстрелы, считал, что находится в состоянии необходимой обороны, вследствие чего не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия и мнимость посягательства на него.

В данном случае ни экстремальная ситуация, ни нервно-психическая перегрузка судом не установлены².

Указанная в ч. 2 ст. 28 УК РФ разновидность случая как невиновного причинения вреда чаще всего связана с экстремальными условиями и непомерными нервно-психическими нагрузками, выпадающими на то или иное лицо в сфере управления техникой. Это относится, например, и к пилотам, вылетающим в рейс и не отдохнувшим от предыдущего, и к водителям большегрузных автомашин, вынужденным по тем или иным причинам не одни сутки проводить за рулем, и к авиа- и железнодорожным диспетчерам, также иногда работающим с огромной перегрузкой. Во многих случаях эти лица, допустившие наступление тех или иных общественно опасных последствий, предвидели возмож-

¹ Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г.М. Резника. М., 2005.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2003 № КАС03-74 // СПС «КонсультантПлюс».

ность их наступления, однако в силу указанных выше причин не могли их предотвратить¹.

Уголовная ответственность в таких случаях возможна тогда, когда лицо осознанно ставит себя в «экстремальные условия» и не способно с ними справиться. При этих обстоятельствах лицом также не выполняются или ненадлежаще выполняются требования, установленные определенным видом его деятельности. Отмеченные признаки позволяют признать лицо виновным в совершении преступления по неосторожности, так как, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий, оно без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий (легкомыслие), а если не предвидело, то при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (небрежность).

Следует заметить, что создание такой ситуации может быть вызвано также «благородной целью», например для достижения общественно полезной цели, для устранения опасности, угрожающей личности его правам или правам лиц, охраняемым законом интересам общества или государства. Одновременно такое возможно в силу объективных причин, например физическое или психическое принуждение, когда лицо не могло руководить своими действиями, а также исполнение приказа или распоряжения лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. В таких случаях виновность деяния исключается.

Нельзя не согласиться с мнением специалистов, что «крайние, экстремальные ситуации ... редки, поэтому не может быть речи о накоплении опыта действий в индивидуальных экстремальных ситуациях. По отношению к ним всякий выступает как новичок»².

Несоответствие психофизиологических качеств требованиям экстремальной ситуации или состоянию нервно-психических перегрузок как нельзя точно объясняется наличием психологического барьера у субъекта, действующего в указанных условиях. Под психологическим барьером понимают психическое состоя-

¹ Наумов А.В. Указ. соч.

² Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология: учеб. пособие. М., 2001. С. 25.

ние, которое препятствует выполнению тех или иных действий, решению задачи, ответу на вопросы и т.д.¹

Причинами возникновения психологических барьеров называют непривычные внешние условия, новизну и опасность ситуации, а также неподготовленность человека к восприятию неприятной информации, отсутствие гибкости и быстроты мышления, неготовность к выполнению прямых требований и т.д.²

В продолжение сказанного Морозовым В.И. и Котковой Ю.С. делается вывод, что в данной ситуации можно говорить о наличии интеллектуально-волевого порока в деятельности субъекта, с чем невозможно полностью согласиться.

Лицо в экстремальных условиях не может предотвратить наступление общественно опасных последствий, несмотря на осознание возможности их причинения. Таким образом, интеллектуальная сторона присутствует в той мере, в какой это необходимо для осознания происходящего. Вместе с тем препятствием на его пути встают особенности психофизиологических качеств, ввиду которых последствия деяния не могут быть предотвращены лицом.

Представляется наиболее подходящим определение экстремальных условий как «неожиданно возникших или изменившихся ситуаций, к которым лицо не готово и по своим психофизиологическим качествам не способно принять адекватное решение и найти способ предотвращения вредных последствий»³.

Вместе с тем, думается, нецелесообразно определять экстремальные условия с помощью термина «ситуация»⁴, а следует использовать термин «обстоятельства».

Применительно к уголовному праву предлагается следующий вариант определения понятия «экстремальные условия» – это неожиданно возникающие обстоятельства, создающие обстановку когда лицо в силу особенностей психофизиологических качеств не способно предотвратить вредные последствия, возможность наступления которых им осознавалась при совершении деяния.

¹ Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Краткий психологический словарь: личность, образование, самообразование, профессия. Минск, 1998. С. 26.

² Морозов В.И., Коткова Ю.С. Невиновное причинение вреда, обусловленное экстремальной ситуацией или нервно-психическими перегрузками. Тюмень, 2005. С. 22, 23.

³ Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 136.

⁴ Обоснование такой позиции дано в начале статьи.

Д.А. Некоркин,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**Опыт стран СНГ о применении
частных определений (постановлений)
суда по уголовным делам**

Распад Советского Союза ознаменовал собой появление на его бывшей территории новых субъектов международного права, которые создали Содружество Независимых Государств.

Законодательство всех бывших союзных республик Советского Союза базировалось на Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Основами в статье 57 определялся порядок вынесения и сроки исполнения частного определения суда. Эти положения были общими и обязательными для соблюдения всеми союзными республиками. Однако уже тогда не все республики имели общий подход к вынесению частных определений (постановлений). Отличия в УПК стран – участниц СНГ в разрешении вопросов о порядке вынесения, обжаловании и исполнении частных определений (постановлений) судов по уголовным делам также присутствуют и сегодня.

Напомним, в Содружество Независимых Государств помимо России входят: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Республика Узбекистан и Республика Украина. Республикой Грузия вышла из стран – участниц СНГ 18.08.2009. Указанными государствами на VII Пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств 17.02.1996 был принят Модельный уголовно-процессуальный кодекс (МУПК) для государств – участников СНГ. Этот документ является рекомендательным законодательным актом.

Изучение и анализ МУПК не выявил положений, позволяющих судам и судьям выносить частные определения (постановления) по уголовным делам либо иным образом реагировать на обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Пожалуй, это можно назвать недостатком данного законодательного акта. При этом в указанном Кодексе обязанность выяснения и устранения обстоятельств, способствовавших со-

вершению преступлений, возложена на следователя и дознавателя, которые реагируют на них путем вынесения представления (ст. 241 МУПК).

Как показывает национальное законодательство стран СНГ, отсутствие частных определений (постановлений) суда в МУПК не стало препятствием для внедрения их в УПК этих стран.

УПК РФ не содержит отдельного понятия такого решения суда, как частное определение (постановление). УПК Туркменистана и УПК Кыргызстана, напротив, такие понятия разъясняет. Полагаем, что введение этого понятия в ст. 5 УПК РФ позволит подчеркнуть важность процессуальной деятельности суда в предупреждении преступности. С этим мнением согласны многие судьи, принявшие участие в опросе. Так, все судьи Верховного Суда РФ на вопрос: «Является ли суд субъектом предупреждения преступности», ответили положительно, в Кемеровской области так считают 78%, в Новосибирской области – 59%, в Московском областном суде – 60%; судьи, проходившие повышение квалификации в РАП (Российская академия правосудия) – 46%.

УПК РФ предусматривает вынесение частного определения (постановления) по следующим основаниям: 1) нарушения прав и свобод граждан; 2) нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом; 3) в других случаях, если суд признает это необходимым. УПК стран СНГ содержат более широкий перечень оснований для вынесения частного определения (постановления). Так, УПК Республики Казахстан (ст. 387) предусматривает вынесение решения и в случае неправильного поведения отдельных граждан на производстве или в быту или нарушения ими общественного долга, нарушение гражданского или служебного долга; УПК Республики Грузия (ст. 50), Республики Украина (ст. 23-2), УПК Республики Казахстан (ст. 387) – о проявленных гражданином высокой сознательности, мужестве при выполнении общественного долга, содействовавших пресечению и раскрытию преступления; УПК Украины (ст. 23-2) – в случае необходимости решить судьбу несовершеннолетних детей осужденных к лишению свободы, которые остались без надзора и требуют установления над ними опеки или заботы; УПК Грузии (ст. 208) – о ненадлежащем поведении удаленного обвинителя или защитника.

Также во многих УПК стран СНГ установлен перечень вопросов, которые проверяет прокурор перед тем, как направить уго-

ловное дело с обвинительным заключением или обвинительным актом в суд. Среди них прокурор проверяет, установлены ли в ходе предварительного следствия причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и приняты ли по ним меры. Отсутствие положительного ответа на этот вопрос может стать основанием для отказа в направлении уголовного дела в суд. В отличие от этих стран УПК РФ в ст. 221, 226 (Решение прокурора по уголовному делу) отсутствует перечень проверяемых прокурором вопросов по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением или обвинительным актом, перед его направлением в суд. Целесообразно применить опыт стран СНГ в регулировании этого вопроса и добавить в обвинительное заключение, обвинительный акт строку, содержащую информацию о том, вынесено или нет дознавателем, руководителем следственного органа, следователем представление (в соответствии со ст. 158 УПК РФ) по выявленным обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления. Эта информация позволит в ходе уголовного судопроизводства по уголовному делу понять, были ли приняты органом предварительного следствия и дознания меры к устранению указанных обстоятельств.

Изучая вопрос о требованиях к содержанию и оформлению отдельных решений суда по уголовному делу, следует отметить УПК Азербайджанской Республики. В этом Кодексе в отличие от остальных стран СНГ в статьях 307 (частное постановление, выносимое по результатам подготовительного заседания суда), 355 (частное постановление по результатам судебного разбирательства), 406 (частное постановление по результатам рассмотрения апелляционной жалобы или апелляционного протеста) перечисляется «что», «каким образом» и «в каком порядке» должно быть изложено в частном постановлении, другими словами, дается структура этого судебного решения. В частном постановлении суда должно быть указано, по какому уголовному делу или по каким материалам упрощенного досудебного производства оно вынесено и кем, подробно изложена сущность дела, точнее, какое из нарушений допущено и кем именно (ст. 307 УПК Азербайджанской Республики), сущность обвинения, основания к вынесению частного постановления, кем и какое конкретно действие (бездействие) было допущено, а также какие правонарушения повлекло данное деяние (ст. 355, 406 УПК Азербайджанской Республики). В УПК РФ вопросу структуры и формы частного определения (постановления) посвящена ч. 2 ст. 227 УПК РФ. Эта норма раскрывает структуру

постановления суда и является общей. При этом в УПК РФ обойден стороной вопрос о структуре определения суда. Полагаем, что целесообразно ввести в УПК РФ положения, регулирующие вопросы о структуре определения суда, частного постановления (определения), а также о возможности вынесения этих решений на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Одним из важных вопросов является исполнение частных определений (постановлений). УПК РФ в отличие от стран СНГ не содержит срок, в течение которого должно быть исполнено частное определение (постановление), отсутствует описание формы сообщения о результатах рассмотрения судебного решения, а также отсутствует само обязательное требование о сообщении в суд о принятых мерах по частному определению (постановлению). УПК стран СНГ требуют от получателей частных определений (постановлений) по уголовным делам принятия необходимых мер с сообщением суду о результатах в течение одного месяца. Среди стран можно выделить УПК Республики Беларусь, который содержит описание формы сообщения о результатах рассмотрения частного определения (постановления) и момент начала течения срока для исполнения. О дополнении ч. 4 ст. 29 УПК РФ месячным сроком для исполнения частного определения (постановления) со дня получения высказалось 40% судей Верховного Суда РФ, 75% судей Московского областного суда, 45,5% судей Кемеровской области, 47,8% судей Новосибирской области, 61,5% судей, проходивших повышение квалификации в РАП, принявших участие в опросе. Также судьям был предложен другой вариант дополнения ч. 4 ст. 29 УПК РФ, когда сами судьи устанавливают разумный срок для исполнения частного определения (постановления), и подобное положение поддержали 60% судей Верховного Суда РФ, 25% судей Московского областного суда, 52,7% судей Кемеровской области, 47,8% судей Новосибирской области, 30,8% судей, проходивших повышение квалификации в РАП. На наш взгляд, наиболее подходящим является месячный срок для исполнения частного определения (постановления), поскольку это положение является менее коррупционным, нежели когда у суда будет возможность устанавливать срок самостоятельно.

Любое исполнение решения должно предусматривать ситуацию, в которой ответственные лица по тем или иным причинам не исполняют решение суда. Статья 392 УПК РФ так же как и многие

УПК стран СНГ предусматривает уголовную ответственность за неисполнение приговора, определения, постановления. При этом в самой ст. 315 УК РФ указано, что только в случае злостного неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности. Законодатель не разъяснил, что он понимает под злостностью неисполнения. Нами судьям был задан вопрос: «Что они понимают под злостностью неисполнения частного определения (постановления)». 50% судей Верховного Суда РФ считают, что под злостностью следует понимать игнорирование повторного требования суда исполнить частное определение (постановление), так же думают 52,7% судей Кемеровской области, 56,5% судей Новосибирской области, 85% судей Московского областного суда, 53,8% судей, проходивших повышение квалификации в РАП. 50% судей Верховного Суда РФ под злостностью понимают неисполнение требования суда об исполнении частного определения (постановления) после привлечения должностного лица к административной ответственности, так же думают 45,5% судей Кемеровской области, 43,5% судей Новосибирской области, 15% судей Московского областного суда, 46,2% судей, проходивших повышение квалификации в РАП. Проведенный опрос свидетельствует, что под злостностью большинство судей понимают игнорирование повторного требования суда исполнить решение. Однако, на наш взгляд, целесообразно в разрешении этого вопроса последовать опыту Республики Узбекистан, где в ст. 232 УК Республики Узбекистан дается такой признак, как привлечение лица к уголовной ответственности, если за подобное правонарушение оно уже было привлечено к административной ответственности, но требуемые действия им так и не были совершены (исполнены). Это положение отвечает и логике российского законодательства. Так, за непринятие мер по частному определению суда виновные несут административную ответственность (ст. 17.4 КоАП РФ). Однако законодатель почему-то не предусмотрел ответственности за непринятие мер по частному постановлению. Это, безусловно, является недостатком КоАП РФ.

Интересна также позиция некоторых судей в Московском областном суде, Кемеровской области, которые считают, что неисполнение частного определения (постановления) суда не образует состава преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, по-

сколькo частное определение (постановление) суда корреспондирует к праву, а не обязанности адресата. Полагаем, их мнение является ошибочным, так как частное определение (постановление) обладает всеми реквизитами решения суда и является судебным актом. Однако ошибочная трактовка стала возможной из-за того, что законодатель использовал в дефиниции ст. 315 УК РФ такие формулировки, которые не позволяют толковать данную норму однозначно, и несогласованность ст. 315 УК РФ с положением ст. 392 УПК РФ, ст. 17.4 КоАП РФ.

Подводя итог проведенному исследованию уголовно-процессуального законодательства УПК стран СНГ о частных определениях (постановлениях) суда по уголовным делам, следует отметить, что внесение дополнений в УПК РФ по вопросам перечня дел, разрешаемых прокурором, перед направлением уголовного дела в суд, сроков и порядка исполнения, безусловно, будет способствовать деятельности суда в предупреждении преступности. Внесение дополнений в ст. 17.4 КоАП РФ и разъяснение некоторых понятий в ст. 315 УК РФ позволит судам более активно применять указанные нормы на практике.

В.С. Осипов,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Проблемы борьбы с преступными сообществами в исправительных учреждениях ФСИН России

Острым и актуальным вопросом в настоящее время стоит разработка мер борьбы с организованной преступностью в местах лишения свободы.

Организованная преступность изменяется под влиянием не только внешних для нее детерминирующих обстоятельств (включая причинные), но и внутренних – способна к самодетерминации. Таким «внутренним», самодетерминирующим обстоятельством служит активная целенаправленная, преобразующая внешние социальные условия деятельность криминальных лидеров, управ-

ляющих структур организованных преступных формирований по опережающему противодействию борьбы с ними.

Так, проведенными исследованиями выявлена недооценка в практической деятельности сотрудников исправительных учреждений (далее – ИУ) предупредительных мероприятий, направленных на *нейтрализацию организационной деятельности* воров в законе и других авторитетов криминальной среды, обуславливающей криминализацию процесса исполнения наказаний в виде лишения свободы и определяющей рост пенитенциарной преступности.

Основным фактором, препятствующим применению ст. 210 УК РФ к лидерам и участникам преступных формирований в ИУ, является ограничение в определении цели создания преступного сообщества (преступной организации). В тексте статьи говорится только о создании таких формирований со специальной целью – совершение тяжких и особо тяжких преступлений. На практике же организованные группы, лидирующие в ИУ, создаются для иных целей и совершают указанные преступления лишь в случаях необходимости – для обеспечения своей противоправной деятельности и сохранения неформальной власти.

Исследования, проведенные в ИУ сотрудниками НИИ Академии Генеральной прокуратуры в мае – июне 2008 г. и апреле 2010 г., подтверждают тот факт, что противодействие, дезорганизующее деятельность ИУ, организуется лидирующими в местах лишения свободы ОГ, стремящимися к захвату и удержанию неформальной власти над остальными осужденными. Они обладают всеми необходимыми криминологическими признаками организованных преступных формирований, подчиненных «ворам в законе», как коллективных субъектов организованных преступлений и организованной преступной деятельности. Такое криминальное сообщество преследует единую для всех участников цель, направленную на разрушение организованности ИУ как социальной системы, созданной государством для исполнения наказания в виде лишения свободы.

Это подтверждают следующие обстоятельства.

1. Продолжает оставаться высоким уровень нападений на сотрудников уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением ими служебных обязанностей. В исправительных учреждениях ФСИН России получают широкое распространение «воровские традиции», возрастает роль криминальных лидеров, координирующих противоправные действия осужденных, предпри-

нимающих попытки привлечь их, например, к написанию недостоверных жалоб, заявлений и т.п. с целью отстранения от должности сотрудников УИС, добросовестно исполняющих свои обязанности.

2. Указанные лица ведут работу по дискредитации администрации исправительных учреждений и следственных изоляторов, стремятся к формированию соответствующей иерархии как в масштабе своего сообщества, так и в целом по ИУ. Именно они определяют, кто с кем и как может контактировать в зависимости от выбранной линии поведения и отношения к уголовным традициям. В местах лишения свободы подобные группировки представляют собой проявление элемента организованности в противоправном поведении и как «группы порядка» стремятся к неформальной, неограниченной и твердой власти над другими осужденными.

3. По стране прокатилась волна массовых беспорядков, в том числе в воспитательных колониях (г. Кировоград Свердловской области), ИК общего режима № 6 в пос. Управленческий в черте г. Самары, ИК общего режима № 10 в Ростове-на-Дону. Например, в этой ИК беспорядки произошли после обыска в двух отрядах, который проводился в присутствии помощника прокурора. Группа осужденных в количестве 350 человек заблокировали выход сотрудникам и потребовали вернуть изъятые запрещенные предметы. В ходе столкновения и пресечения массовых беспорядков 16 сотрудников получили телесные повреждения, двое из них были госпитализированы с тяжелыми травмами. По данному факту возбуждено уголовное дело по ст. 212 и 321 УК РФ «Массовые беспорядки» и «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»¹.

Методы организованной дезорганизации ИУ разнообразны – от голодовок и массовых вскрытий себе вен до терроризирования положительно характеризующихся осужденных (или более привычное прежде – «ставших на путь исправления»), нападения на персонал учреждений и массовых беспорядков, в ходе которых имеются жертвы с той и другой стороны. Подобные эксцессы происходят не без вмешательства различного рода правозащитных организаций, за которыми стоят криминальные авторитеты и преступные сообщества. Нет никаких сомнений в том, что их, казалось бы, «стихийный» характер хорошо организован, часто зачинщики стремятся спровоцировать сотрудников ИУ на более жесткие меры,

¹ См.: Рос. газ. 2008. 25 сент.

избавиться от неугодных руководителей учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России и тем самым укрепить свое влияние на осужденных в прежде благополучных ИУ.

Проведенными криминологами Рязанской и Владимирской областей исследованиями, респондентами которых явились оперативные работники ИУ¹, установлено, что преступные группировки в местах лишения свободы, их лидеры, «воры в законе» и «авторитеты» осуществляют различные виды противоправной деятельности, в том числе:

противодействие оперативным аппаратам путем ведения контрразведывательной работы;

установление неконтролируемых администрацией каналов связи с преступной средой вне исправительного учреждения для продолжения выполнения своих криминальных функций, обеспечения особого положения в среде осужденных, доставки в учреждение денег, спиртных напитков, наркотиков, обмена информацией, используемой в криминальных целях с осужденными других исправительных учреждений, регионов;

подрыв авторитета персонала исправительного учреждения путем выявления недостатков, нарушений, просчетов в деятельности, провоцирования отдельных сотрудников на нарушения законности, создание конфликтных ситуаций во взаимоотношениях с осужденными;

выполнение функций по разрешению конфликтов среди осужденных, наложение карательных санкций;

распространение ложных слухов, дезинформации в среде соперничающих группировок и основной массе осужденных;

санкционирование совершения преступлений в отношении неугодных лиц, наказание виновных;

обработка вновь прибывших осужденных, навязывание им криминальной идеологии, поведения, противоречащего требованиям уголовно-исполнительного законодательства;

выявление среди персонала органов и учреждений УИС лиц, не устойчивых к подкупу, вступлению в противоправные коррупционные связи;

препятствование тому, чтобы сотрудники имели достоверную информацию о ситуации в среде осужденных;

¹ См.: *Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: монография* / ВЮИ ФСИН России. Владимир, 2005. С. 213 – 215.

выполнение требований персонала с целью обеспечения создания наиболее благоприятных условий для осужденных, входящих в преступные группировки;

создание атрибутов, подчеркивающих превосходство, авторитет, особое положение в среде осужденных (занятие лучших мест в общежитиях, устройство на престижные рабочие места и должности в столовую, баню, парикмахерскую, комнаты длительных свиданий, бригадирами, нарядчиками; ношение одежды неустановленного образца; наличие продуктов питания и предметов первой необходимости в представительном ассортименте; отличающаяся линия поведения, формы общения; жаргон; татуировки; клички) и др.

Необходимо отметить, что проблема борьбы с организованной преступностью в уголовно-исполнительной системе предполагает решение целого комплекса вопросов по нейтрализации внешних и внутренних угроз нормальному функционированию подразделений исполнения наказаний. Угрозы внутри учреждения исходят от лидеров группировок отрицательной направленности, а угрозы извне связаны с деятельностью преступных сообществ, находящихся на свободе.

Деятельность и конкретные общественно опасные деяния организаторов и руководителей преступных сообществ «воров в законе», совершаемые им в ИУ, не подпадают под такие признаки преступного сообщества, предусмотренные в ч. 1 ст. 210 УК РФ, как «создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений ...». Лидеры криминальной среды в ИУ объединяются отнюдь не в целях разработки планов совершения преступлений, к тому же именно тяжких или особо тяжких. Их конкретная общественно опасная деятельность носит иной, общеорганизационный характер. Именно поэтому по числу зарегистрированных пенитенциарных преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, а также по числу выявленных лиц, их совершивших в ИУ и повторно осужденных, нельзя судить о фактических масштабах и характере деятельности реальных преступных сообществ, дезорганизующих деятельность ИУ. В ИУ борьба с координирующей, организационно-управленческой деятельностью лидеров криминальной среды, как это не парадоксально, осуществляется в основном посредством применения мер

дисциплинарного взыскания, предусмотренных ст. 116 и 117 УИК РФ¹.

Эта проблема обсуждалась и на парламентских слушаниях 30.10.2008 г. «Законодательное обеспечение борьбы с организованной преступностью как внутренней и внешней угрозы национальной безопасности». В частности, участники отмечали, что при попадании в исправительные учреждения лидеры организованных преступных формирований² при помощи криминальных авторитетов с воли и нередко коррумпированных сотрудников ФСИН России быстро устраивают себе жизнь в местах лишения свободы и осуществляют конкурентную борьбу с администрациями учреждений за сферы влияния³.

Борьба с преступными сообществами актуализируется в связи с разработкой по поручениям Президента РФ от 30.10.2008 № Пр-2333 и Правительства РФ от 07.11.2008 № СС-П4-6666 Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации, в которой исследуемым вопросам также уделено внимание. В частности, проблемы противодействия криминальным структурам предполагается решать в комплексе вопросов, связанных с организацией надлежащего взаимодействия правоохранительных органов, по нейтрализации внешних и внутренних факторов, создающих угрозу нормальному функционированию подразделения исполнения наказаний, т.е. угрозы «внутри учреждения», исходящих от лидеров группировок осужденных отрицательной направленности, и угроз «извне», – со стороны находящихся на свободе криминальных «авторитетов»⁴. При действующей уголовно-исполнительной системе сохраняется активность криминальных лидеров, пытающихся распространять так называемые «воровские традиции». Распространению криминальной культуры, сплочению криминально ориентированного

³ См.: Меркурьев В.В. Проблемы борьбы с дезорганизационной деятельностью лидеров криминальной среды в исправительных учреждениях России. Москва // Вест. Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации. 2009. С. 35.

² В 2008 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержатся 88 так называемых воров в законе, из них 30 – в следственных изоляторах, 44 – в исправительных колониях и 14 – в тюрьмах.

³ См.: Стенограмма выступления начальника оперативного управления ФСИН России А.В. Сенопальникова на парламентских слушаниях на тему «Законодательное обеспечение борьбы с организованной преступностью как внутренней и внешней угрозой национальной безопасности» 30 окт. 2008 г. С. 97.

⁴ См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации. С. 5.

спецконтингента способствует явно устаревшая система коллективного содержания осужденных.

24.02.2010 на заседании Ассоциации юристов России директор Федеральной службы исполнения наказаний Александр Реймер отметил, что появление тюрем особого режима позволит изолировать от основной части осужденных лидеров и «авторитетов» преступной среды, «воров в законе», террористов и экстремистов. Это позволит разорвать их криминальные связи, лишит возможности руководить оставшимися на свободе участниками криминального сообщества. По словам главы ФСИН, специально для этого «контингента» в России будут перепрофилированы некоторые исправительные учреждения и СИЗО¹.

В настоящее время размещение осужденных в многоместных общежитиях делает невозможным пресечение нежелательных контактов между «авторитетами» криминального мира и другими правонарушителями. Установленные законом принципы раздельного содержания осужденных не позволяют эффективно решать эту проблему. Часто «профессиональные» преступники осуждаются за малозначительные преступления, а среди осужденных «воров в законе» есть лица, впервые отбывающие наказание в виде лишения свободы. По действующему законодательству они должны быть размещены с основной массой осужденных, что дает им возможность для вербовки новых сторонников.

Поэтому необходима срочная разработка стратегии осуществления специальной профилактики противодействия деятельности преступным сообществам в исправительных учреждениях, которая должна быть направлена:

на криминализацию противоправной деятельности, осуществляемой «авторитетами преступного мира» в борьбе за приоритет своего неформального влияния на основную массу осужденных;

на изоляцию «авторитетов» от основной массы осужденных, разобщение организуемых ими группировок;

¹ Не так давно, напомним, Федеральным законом от 03.11.2009 № 245-ФЗ в ст. 35 и ст. 210 УК РФ внесены инициированные Президентом РФ поправки, суть которых сводится к ужесточению ответственности для организаторов и участников преступных сообществ (преступных организаций). По внесенным в Уголовный кодекс РФ изменениям лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, в том числе «воры в законе», за организацию и координацию своих группировок (шак) в соответствии с ч. 4 ст. 210 УК РФ будут подвергаться наказанию в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет или пожизненного лишения свободы. По последним данным в России насчитывается 149 «воров в законе». Еще 92 уже отбывают наказание или содержатся в СИЗО.

на ослабление негативного влияния лидеров криминальной среды, распространяемого на основную массу осужденных, а также на устранение и нейтрализацию криминогенных факторов, обуславливающих осуществление данной деятельности.

Однако указанные действия не будут результативны без внесения дополнений в Уголовный кодекс РФ.

Основу уголовно-правового предупреждения дезорганизационной деятельности лидеров тюремного мира должно составить введение в Уголовный кодекс РФ ст. 321¹ и 321².

«Статья 321¹ Распространение криминальной субкультуры в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества».

«Статья 321² Организация преступного сообщества, дезорганизующего деятельность исправительных учреждений».

Предлагаемые варианты уголовно-правовых норм создадут необходимую правовую базу для обеспечения изоляции авторитетов тюремного мира, осуществляющих дезорганизационную деятельность, от основной массы осужденных. Их изоляция должна осуществляться в отдельных ИУ особого режима, действующих на межрегиональном или федеральном уровне. Создание данных учреждений также требует внесения изменений и дополнений в ст. 73 УИК РФ, поскольку ч. 4 указанной статьи в редакции Федерального закона от 09.05.2005 № 47-ФЗ эту проблему до конца не решает.

Е.А. Ошлыкова,
соискатель Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Прокурорский надзор за законностью и обоснованностью возбуждения уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств

Значение прокурорского надзора за законностью и обоснованностью возбуждения уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств сложно переоценить, поскольку нарушения, допущенные на данном этапе уголовного судопроизводства, как правило, не устранимы в ходе предварительного расследования и в судебном заседании.

Стадия возбуждения уголовного дела начинается с получения органами дознания и органами предварительного следствия

первоначальных сведений о преступлении и завершается принятием решения о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче сообщения по подследственности.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ уголовное дело может быть возбуждено при наличии предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством поводов и оснований для его возбуждения.

Спецификой преступлений о незаконном сбыте наркотических средств является совершение их в условиях неочевидности, с согласия обеих сторон, в отсутствие потерпевшего. Этим обусловлено то, что наиболее распространенным основанием для возбуждения уголовных дел являются результаты оперативно-розыскной деятельности, которые в дальнейшем трансформируются в доказательства стороны обвинения. Прокурором при проверке законности возбуждения уголовного дела должна быть дана оценка законности и обоснованности проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также соблюдения порядка представления их результатов органам следствия¹.

Одним из вопросов, на который следует обращать внимание, является законность проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как «проверочная закупка». В этом случае прежде всего следует отграничить ее от провокации со стороны работников правоохранительных органов.

Условия недопущения провокации при проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» обозначены в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»².

В ходе оперативного документирования преступных действий лица необходимо отражение в материалах оперативно-розыскного мероприятия данных о возникновении умысла на сбыт наркотического средства, сформировавшегося независимо

¹ Основным актом, предусматривающим порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности, является Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденная приказом МВД России, ФМБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 17.04.2007 № 368/185/164/481/32/184/97/147.

² БВС РФ. 2006. № 8.

от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также в проведении лицом всех подготовительных действий. Материалы оперативно-розыскного мероприятия должны содержать сведения об источнике поступления информации. Такими сведениями могут быть: объяснения наркозависимых лиц о том, что они ранее приобретали у данного лица наркотические средства лично или через посредника; заявления и обращения граждан (например, соседей, родственников наркозависимых лиц); результаты таких оперативно-розыскных мероприятий, как «наблюдение», «прослушивание телефонных переговоров», проводимых в отношении других лиц, в ходе которых получены данные о причастности лица к незаконному обороту наркотических средств.

При проверке законности и обоснованности возбуждения уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств прокурорам необходимо в каждом случае выяснять причины проведения повторных проверочных закупок, поскольку при отсутствии данных о совершении преступлений организованной группой проведение повторных оперативно-розыскных мероприятий расценивается судом как провокация сбыта наркотических средств и влечет оправдание подсудимого.

Так, Славгородским городским судом У. оправдан в части покушения на незаконный сбыт наркотического средства в крупном размере в связи с тем, что сотрудниками МРО РУФСКН в отношении него в один день проведены две проверочные закупки. Результаты последнего оперативно-розыскного мероприятия признаны судом недопустимым доказательством, поскольку сотрудники госнаркоконтроля, выявив факт сбыта, не располагая сведениями о возможном сбыте наркотиков из жилища У. другими лицами, не осуществляя оперативную разработку организованных групп, провели в тот же день вторую закупку. Тем самым не пресекли преступную деятельность У., а, напротив, провоцировали ее. Указанные обстоятельства повлекли его оправдание в части обвинения¹.

По уголовным делам, возбуждаемым на основании результатов оперативно-розыскной деятельности, прокуроры должны убедиться не только в наличии оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, но и проверить соблюдение условий их проведения, закрепленных в законе.

¹ Уголовное дело № 1/21-2008. Архив Славгородского городского суда Алтайского края.

В частности, следует учитывать, что в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент проводятся на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Определенную сложность в правоприменительной практике представляет отсутствие в законе понятия руководителя органа, осуществляющего ОРД. Ведомственные нормативные акты (которые в большинстве случаев являются секретными) к числу субъектов, имеющих право санкционировать проведение указанных оперативно-розыскных мероприятий, как правило, относят руководителей оперативных подразделений и их заместителей. Так, в органах ФСКН к таким должностным лицам относятся начальник Регионального управления и его заместители, в ГУВД – начальники ГУВД, городских и районных ОВД, их заместители по линии МОБ и СКМ.

Утверждение постановлений о проведении оперативно-розыскных мероприятий другими должностными лицами (руководителями УБОП ГУВД, начальниками МРО ФСКН и др.) является основанием для признания доказательств, полученных на основании результатов оперативно-розыскной деятельности, недопустимыми и, как следствие, вынесение реабилитирующих решений.

Анализ правоприменительной практики показывает, что наиболее характерными нарушениями при проведении оперативно-розыскных мероприятий, которые могут быть выявлены на этапе возбуждения уголовного дела, являются неверное указание даты проведения оперативно-розыскного мероприятия и даты постановления о представлении результатов оперативно-розыскного мероприятия следователю; отсутствие перечня прилагаемых документов.

Особенностью уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств является необходимость установления на момент возбуждения уголовного дела предмета преступления. Предмет преступления – наркотическое средство, обладающее определенными характеристиками, – необходимый элемент состава преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ. Таким образом, при наличии сведений о незаконном сбыте наркотических средств уголовное дело подлежит возбуждению в случае изъятия самого наркотического средства либо обнаружения его в следовых коли-

чествах, позволяющих установить конкретный вид и наименование средства. В противном случае достаточных данных для возбуждения уголовного дела не имеется, и по сообщению о преступлении должно быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Приговором Октябрьского районного суда г. Барнаула Г. оправдан по четырем эпизодам сбыта наркотических средств в связи с непричастностью к преступлению, поскольку предмет преступления по каждому из указанных преступлений не изъят и не исследован, а совокупность иных доказательств недостаточна для признания Г. виновным в сбыте наркотиков¹.

Надзирающим прокурором не дана оценка отсутствию данных о наркотическом средстве ни на этапе возбуждения уголовного дела, ни при утверждении обвинительного заключения.

Идентификация конкретного наркотического средства – важный момент, и для принятия решения о возбуждении уголовного дела обязательным условием является наличие справки эксперта об отнесении представленного вещества к наркотическим средствам и его размеру.

При осуществлении надзора прокурорам необходимо принимать меры по предотвращению фактов вынесения решений об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в материалах проверки справки эксперта. В каждом случае необходимо контролировать своевременность направления изъятого вещества в экспертное учреждение, выяснять причины длительного проведения экспертных исследований, при необходимости принимать меры прокурорского реагирования.

Следует отметить, что задачей прокурора на данном этапе уголовного судопроизводства является не только проверка законности и обоснованности возбуждения уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств, но и исключение фактов укрывания таких преступлений от учета.

Анализ правоприменительной практики показывает, что прокуроры не всегда своевременно выявляют факты сокрытия от учета незаконного сбыта наркотических средств. (Так, прокуратурой Алтайского края по результатам проверки в августе 2009 г. восстановлено на учет 53 преступления рассматриваемой категории.)

¹ Уголовное дело № 1-340-09. Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края.

Наиболее распространенным способом сокрытия от учета преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, является невыделение уголовных дел по фактам незаконного сбыта наркотических средств, выявленным при расследовании других уголовных дел, в том числе по ст. 232 УК РФ (организация и содержание притонов для потребления наркотических средств и психотропных веществ).

Прокуроры должны не только принимать предусмотренные законом меры к выделению уголовных дел по фактам сбыта наркотических средств, но и систематически проводить сверки регистрационно-учетных данных с имеющимися материалами. Необходимость проведения таких сверок вызвана тем, что в настоящее время получил распространение такой способ укрытия преступлений от учета, как вынесение постановлений о выделении в отдельное производство материалов уголовных дел в соответствии со ст. 155 УПК РФ и нерегистрация таких сообщений. В каждом случае прокурорам целесообразно рассматривать вопрос о необходимости выделения уголовных дел в порядке ст. 154 УПК РФ с одновременным их возбуждением.

В целях исключения фактов укрытия преступлений рассматриваемой категории от учета прокурорами должны проводиться и сверки по сообщениям о преступлениях, направленным по подследственности. Нередко соответствующие сообщения направляются в порядке, предусмотренном ст. 152 УПК РФ, при отсутствии достаточных оснований, в результате чего материал возвращается отправителю либо незаконно приобщается к материалам номенклатурного дела без проведения проверки и принятия решения в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

При проверке законности решений об отказе в возбуждении уголовных дел, а также при изучении уголовных дел по ст. 228 УК РФ прокурорам следует обращать особое внимание на пояснения задержанных об источнике приобретения изъятых у них наркотических средств. В 2004 – 2007 гг. на территории Алтайского края была распространена практика нерегистрации сообщений о незаконном сбыте наркотических средств на основании пояснений наркозависимых лиц о «находке» наркотиков. Применение мер прокурорского реагирования (внесение представлений об устранении нарушений закона, проведение координационных совещаний и др.) позволило практически искоренить такой способ укрытия незаконного сбыта наркотических средств.

Помимо проверки законности решений об отказе в возбуждении уголовных дел прокурорам необходимо проверять рассмотренные мировыми судьями материалы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.8 КоАП РФ, с целью выявления укрытых от учета преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств.

Особое внимание должно быть уделено проверке законности отказа в возбуждении уголовных дел по фактам незаконного сбыта наркотических средств в связи со смертью подозреваемого.

Изучение материалов проверок показывает, что вынесение таких решений является одним из способов укрытия преступлений от учета. Так, в ряде случаев у задержанного отбирается объяснение о приобретении наркотического средства у лица, которого к моменту принятия решения в порядке ст. 145 УПК РФ нет в живых. При отсутствии каких-либо данных, подтверждающих причастность указанного лица к сбыту наркотиков, правоохранительными органами (ОВД, ФСКН) преступление учитывается как раскрытое, тогда как фактически лицо, совершившее преступление, не установлено.

Таким образом, анализ правоприменительной практики подтверждает необходимость осуществления действенного прокурорского надзора на этапе возбуждения уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств.

При этом в равной мере важен как надзор за законностью и обоснованностью возбуждения уголовных дел в отношении конкретных лиц, так и принятие мер к исключению фактов укрытия преступлений от учета.

В первом случае основной задачей прокурора является соблюдение конституционных прав граждан, в отношении которых решается вопрос о возбуждении уголовного дела, недопущение необоснованного привлечения к уголовной ответственности, ограничения его прав и свобод. Во втором, – прокурор должен принимать меры к тому, чтобы виновные в незаконном сбыте наркотических средств лица были установлены и привлечены к уголовной ответственности.

Н.В. Павловская,
научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**К вопросу о расширении перечня
коррупционных преступлений
в сфере незаконного оборота наркотиков**

С принятием в России Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» стало возможным отнесение некоторых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, к числу коррупционных. Отсутствие в законе исчерпывающего перечня таких преступлений приводит к возникновению неопределенности в вопросе об отнесении тех или иных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, к числу коррупционных.

Так, в разделе 7 статистической формы «К» прокуратуры Российской Федерации, в котором содержатся сведения о результатах расследования уголовных дел коррупционной направленности, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, вообще не упоминаются. В связи с этим следует отметить, что разработан и с 01.01.2010 г. введен в действие совместным указанием Генеральной прокуратуры РФ и Министерства внутренних дел РФ от 30.04.2010 № 187/862 «О внесении изменений в Перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности» Перечень преступлений коррупционной направленности. Пункт 1 Перечня устанавливает критерии отнесения преступлений к числу коррупционных. К таким критериям относятся: 1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния; 2) связь деяния со служебным положением субъекта; 3) обязательное наличие у субъекта корыстного мотива; 4) совершение преступления только с прямым умыслом.

Исходя из этих критериев, коррупционную направленность могут иметь различные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. В первую очередь это относится к незаконным производству, сбыту, пересылке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершаемым должностными лицами с использованием служебного положения и с ко-

рыстным мотивом (п. «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ). Кроме того, при условии совершения должностными лицами коррупционных преступлений могут быть выявлены следующие преступления: нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ (ч. 2 ст. 228² УК РФ), их хищение либо вымогательство (п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ).

Интересным представляется вопрос о возможности признания коррупционным такого преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков, как незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ). Субъектами названного преступления в ряде случаев могут быть и должностные лица. Рассмотрим такие случаи подробнее.

1. Самым распространенным документом, дающим право на получение наркотических средств или психотропных веществ, является *рецепт*, составленный на специальном рецептурном бланке на наркотическое средство и психотропное вещество, форма которого, а также правила его оформления утверждены Министерством здравоохранения и социального развития РФ¹.

Согласно установленным правилам рецепт на наркотическое средство или психотропное вещество подписывается специально уполномоченным на это врачом и заверяется его личной печатью, дополнительно рецепт подписывается главным врачом лечебно-профилактического учреждения или его заместителем (заведующим отделением) и заверяется круглой печатью лечебно-профилактического учреждения². Частнопрактикующим врачам выписывать рецепты на наркотические средства и психотропные вещества запрещается.

В литературе отмечается, что «должностным лицом необходимо признавать субъекта, который имеет право выдавать от имени государственного или муниципального учреждения официальные документы, подтверждающие определенный юридический факт, и тем самым как-то организовывать, направлять поведение других лиц, для которых этот акт (документ) имеет юридическую силу»³.

¹ См. приказ Минздравсоцразвития России от 12.02.2007 № 110 «О порядке назначения и выписывания лекарственных средств, изделий медицинского назначения и специализированных продуктов лечебного питания».

² См.: Инструкция по заполнению формы «Специальный рецептурный бланк на наркотическое средство и психотропное вещество», утвержденная приказом Минздравсоцразвития России от 12.02.2007 № 110 «О порядке назначения и выписывания лекарственных средств, изделий медицинского назначения и специализированных продуктов лечебного питания».

³ См.: *Волженкин Б.В.* Служебные преступления. СПб., 2000. С. 118.

В современных комментариях к Уголовному кодексу РФ обращается внимание на то, что «некоторые категории работников могут признаваться должностными лицами, если наряду с профессиональными или техническими обязанностями на них в установленном порядке возложено выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций»¹. Например, врачи, выдающие листки временной нетрудоспособности, участвующие в работе ВТЭК или призывных комиссий, в настоящее время признаются должностными лицами.

Рецепт на наркотическое средство или психотропное вещество является официальным документом, подтверждающим право определенного лица на приобретение (получение) средств и веществ, ограниченных в гражданском обороте и подлежащих контролю в Российской Федерации. В связи с этим представляется правомерным считать врача, в полномочия которого входит выдача таких рецептов (а таким врачом может быть, как уже отмечалось, только врач государственного или муниципального лечебного учреждения), должностным лицом.

Такая позиция находит подтверждение и в науке. Так, в литературе отмечается, в связи с тем, что «о «выдаче» рецепта на наркотическое средство или психотропное вещество справедливо утверждать лишь тогда, когда он получил свое надлежащее оформление, т.е. удостоверен подписью и печатью главного врача, а также соответствует другим реквизитам, установленным для такого рода документов»² субъектом выдачи рецепта на наркотическое средство или психотропное вещество может быть только должностное лицо – главный врач, его заместитель, заведующий отделением. При этом «общая тенденция судебной практики такова: лица, незаконно выдающие рецепты, предоставляющие право на получение наркотических средств или психотропных веществ из корыстных или иных личных побуждений либо за материальное вознаграждение, осуждаются по совокупности преступлений»³. Мнение о том, что субъектами данного преступле-

¹ См. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. Такой позиции придерживаются также авторы следующих комментариев к УК РФ: *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / под ред. А.И. Чучаева. М.: Контракт; Инфра-М, 2009; *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / под ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казаков. М.: Проспект, 2008; *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт-Издат. 2007 и др.

² См.: *Крылова Н.Е., Павлова Н.В.* Субъект преступлений, совершаемых в сфере медицинской деятельности // *Современное право.* 2006. № 4.

³ Там же.

ния могут быть должностные лица, а также о том, что они в таких случаях должны нести уголовную ответственность по совокупности преступлений, высказывалось и другими авторами¹.

Таким образом, в случае если врач выдает за вознаграждение рецепт на наркотические средства или психотропные вещества, он может быть признан должностным лицом и должен в таком случае нести ответственность за получение взятки. При этом взятка берется им за незаконные действия, совершение которых также является преступлением, предусмотренным ст. 233 УК РФ. В соответствии с п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений (по ч. 2 ст. 290 и ст. 233 УК РФ). Таким образом, незаконная выдача рецепта на наркотическое средство или психотропное вещество может считаться коррупционным преступлением.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (п. 33) устанавливает, что к иным документам относятся те из них, которые являются основанием для выдачи (продажи) наркотических средств или психотропных веществ и других действий по их законному обороту.

Таковыми документами могут являться, в частности, *лицензии* на определенный вид деятельности, связанной с оборотом наркотических средств или психотропных веществ.

Лицензирование деятельности, связанной с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения и социального развития, которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения и социального развития. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ,

¹ См.: *Щиголев Ю.* Подлог рецептов на наркотические средства // Рос. юстиция. 1999. № 4; *Завидов Б.Д.* Преступления в области незаконного оборота наркотиков, психотропных веществ, их аналогов, сильнодействующих и ядовитых веществ (анализ ст. 228 – 234 УК РФ) // Материал, подготовленный для СПС «Консультант-Плюс».

данными в постановлении от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», работники надзорных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, а также организациями независимо от их ведомственной подчиненности, относятся к представителям власти и являются в связи с этим должностными лицами. Таким образом, в этом случае вопрос о субъекте (должностное лицо или нет) не возникает.

Вопрос в другом – охватываются ли действия лица, выдающего лицензию за незаконное вознаграждение, только ст. 290 УК РФ (получением взятки) или же они должны квалифицироваться по совокупности со ст. 233 УК РФ? Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» дает разъяснение понятия «незаконная выдача» только применительно к рецептам на наркотические средства и психотропные вещества, оставляя без внимания остальные виды документов, дающих право на получение таких средств и веществ.

Представляется, что если незаконное вознаграждение берется за предоставление лицензии в случае, когда она должна быть выдана в соответствии с законодательством, действия должностного лица будут охватываться составом получения взятки. В случае же когда вознаграждение предоставляется за получение лицензии лицом, которому она не должна быть выдана (например, не соблюдены условия предоставления такой лицензии, не представлены все необходимые документы и т.п.), выдача лицензии будет являться незаконной и в соответствии с упомянутым выше п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» должна квалифицироваться по совокупности преступлений (по ч. 2 ст. 290 и ст. 233 УК РФ), поскольку вознаграждение берется за совершение незаконных действий, предусмотренных ст. 233 УК РФ. Следовательно, преступления, предусмотренные ст. 233, при таких обстоятельствах также можно отнести к преступлениям коррупционной направленности.

Решение вопроса о признании незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ), преступлением коррупционной направленности имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение.

Упомянутый Перечень отнес к преступлениям коррупционной направленности ряд преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Так, согласно п. 3.4 Перечня преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 228², п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ, относятся к преступлениям коррупционной направленности при условии, что они совершены должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Пункт 3.5 содержит условия признания коррупционными преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ. Такими условиями являются совершение указанных преступлений должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации и корыстный мотив. Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ), в Перечне не упоминается.

Совместное указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России, устанавливающее критерии признания преступлений коррупционными и утвердившее перечень таких преступлений, имеет большое значение для установления истинных масштабов коррупции в стране. Положениями данного указания органы прокуратуры, органы внутренних дел будут руководствоваться при формировании статистической отчетности. Соответственно, от полноты отражения в ней коррупционных преступлений будет зависеть полнота информации о состоянии коррупционной преступности как в целом, так и в различных сферах правовых отношений. На оценке состояния коррупции, связанной с незаконным оборотом наркотиков, негативно скажется отсутствие в Перечне упоминания о незаконной выдаче либо подделке рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ). Таким образом, действующий Перечень нуждается в дополнении.

И.В. Петухова,
соискатель Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**Обеспечение прав потерпевшего
в уголовном судопроизводстве
Российской Федерации**

В последнее время в Российской Федерации особое внимание уделяется обеспечению реализации прав лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Так, первые лица страны говорят о разумных сроках судебного разбирательства в отношении лиц, заключенных под стражу, о тщательном изучении судами материалов, представленных в обоснование ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о нецелесообразности назначения наказаний в виде реального лишения свободы лицам, осуждаемым за налоговые и некоторые другие преступления. В уголовно-процессуальное законодательство внесен ряд изменений и дополнений, направленных на обеспечение разумного срока уголовного судопроизводства (например, Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ).

В свете повышенного интереса к соблюдению в уголовном судопроизводстве прав подозреваемого, обвиняемого вопросы о значимости процессуального статуса другого участника процесса – потерпевшего, реализации его прав как будто уходят в тень и становятся менее актуальными. В связи с этим хочется обратить внимание на то, каким образом изменения в российском уголовно-процессуальном законодательстве, которые происходят сегодня, затрагивают процессуальный статус потерпевшего, насколько законодательные новеллы позволяют потерпевшим отстаивать свои законные интересы в уголовном судопроизводстве.

Новый взгляд российского законодателя на расширение прав обвиняемых – введение главы 40¹ в УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Данная норма закона предполагает, что если подозреваемый или обвиняемый желает оказать содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, он может ходатайствовать о заключении досудебного

соглашения о сотрудничестве. В случае удовлетворения следователем такого ходатайства оно подлежит рассмотрению прокурором. Приняв решение об удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого), прокурор приглашает инициатора ходатайства, его защитника, следователя и с их участием составляет досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317³ УПК РФ). Далее, утверждая обвинительное заключение по этому делу, прокурор выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения (ст. 317.5 УПК РФ). Условиями для такого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения являются подтверждение государственным обвинителем активного содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, а также удостоверение суда в том, что досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника. Соблюдение указанных условий обязывает суд применить особый порядок принятия судебного решения, предполагающий, помимо прочего, вынесение обвинительного приговора и, при наличии смягчающего обстоятельства «явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления», отсутствии отягчающих, назначение наказания, не превышающего половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания. А при осуждении лица за совершение преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, эти виды наказания не применяются, назначенное наказание не может превышать 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания.

Обращает на себя внимание тот факт, что Уголовно-процессуальный кодекс не предусматривает необходимость учета мнения потерпевшего как условие для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а также как условие для применения судом особого порядка принятия судебного решения. Однако следственная и судебная практика показывают, что потерпевшие в ряде случаев бывают не согласны с юридической оценкой действий обвиняемых, часто настаивают на строгом уголовном наказании. Несмотря на это, закон даже не предусматривает информирование потерпевшего о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и ознакомление его с текстом данного соглаше-

ния, не говоря уже о его обжаловании. Хотя особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, который стал прообразом нововведений законодателя, предполагает непременно согласие с ним потерпевшего.

Таким образом, получается, что применение следователем, прокурором, судом положений гл. 40¹ УПК РФ в некоторых случаях будет нарушать права потерпевших, их законных представителей и представителей, лишая их возможности ходатайствовать перед следствием о переквалификации действий виновных лиц, высказывать свое мнение по поводу заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, участвовать в судебных прениях с просьбой назначить максимально строгое наказание, в пределах санкции соответствующей статьи УК РФ. Потерпевший фактически отстранен законодателем от участия в уголовном деле как в ходе предварительного расследования, так на судебной стадии уголовного судопроизводства, что нельзя не расценивать как существенное нарушение его процессуальных прав.

Однако изменения в действующем законодательстве и правоприменительной практике в некоторых случаях предоставляют потерпевшим и права, прямо не предусмотренные в законе. Так, шаг к расширению перечня прав потерпевшего сделан в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста», в соответствии с которым, когда решением вопроса о мере пресечения затрагиваются права и законные интересы потерпевшего, в том числе связанные с необходимостью защиты его личной безопасности от угроз со стороны подозреваемого, обвиняемого или обеспечения возмещения причиненного преступлением ущерба, он, его представитель, законный представитель вправе довести до сведения органов предварительного расследования, прокурора и суда свою позицию относительно избрания, продления, изменения, отмены той или иной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, а также обжаловать принятое решение.

Таким образом, высший судебный орган обратил внимание судов на возможность участия потерпевшего в судебных заседаниях по разрешению указанных вопросов, чем обеспечил большую защиту его прав, поскольку ранее потерпевший никогда не привлекался к участию в судебных заседаниях, посвященных решению вопросов о мере пресечения.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод что специфический процессуальный статус потерпевшего требует расширения перечня его прав согласно расширению объема прав и процессуальных возможностей подозреваемых и обвиняемых. Проявление научного интереса к этому вопросу позволит оказывать влияние на законотворчество и правоприменение в нашей стране, приближая Россию к международно-правовым стандартам по обеспечению прав не только обвиняемых в совершении преступлений, но и жертв преступлений.

Г.Э. Сафронский,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Особенности тактики осмотра в судебном следствии

За время своего существования криминалистическая наука выработала ряд практических рекомендаций, значимость которых нельзя недооценивать в условиях совершенствования «мастерства» и применения современных технологий представителями преступного мира. Неоспоримую важность в силу своей повышенной доказательной значимости имеют тактические рекомендации по производству различных видов осмотра. Указанные рекомендации по причине общности последних относятся практически ко всем видам осмотра вне зависимости от объекта осмотра.

Основные доминанты криминалистической тактики любого вида осмотра обусловлены неразрывной связью научно обоснованных тактических рекомендаций и процессуальных требований.

Своевременность осмотра заключается в его безотлагательном проведении, что нацелено на обеспечение сохранности к моменту осмотра интересующих объектов, а также на эффективность и результативность проводимого действия.

Неотложность и оперативность проведения осмотра обусловлены двумя причинами, которые можно связать со скоростью возможных изменений состояния объектов осмотра и тем, что результаты осмотра в большинстве своем служат основополагающей информацией, одним из постулатов обвинительной речи.

По истечении времени могут произойти необратимые процессы, и соответственно исчезнет возможность непосредственного восприятия субъектами осмотра следов и иных признаков объекта, криминалистически значимых обстоятельств для определения предмета доказывания в целом. Такие изменения могут происходить как по объективным причинам, так и по причинам субъективного характера, в том числе в результате целенаправленных действий заинтересованных лиц, желающих изменить либо полностью уничтожить следы и вещественные доказательства.

Проявление инертности стороны обвинения в случае необходимости проведения судебного осмотра и непринятие своевременных и достаточных мер к осуществлению осмотра значимых по делу объектов (документов, иных вещественных доказательств) может повлечь за собой уничтожение (изменение) последних по небрежности либо умышленно – заинтересованными лицами.

Недооценить результаты профессионально проведенного осмотра практически невозможно, они в большинстве своем служат основополагающей информацией, подтверждают и обосновывают поддерживаемое обвинение. Если по результатам осмотра у суда или у какой-либо из сторон останутся сомнения или возникнут вопросы, решение которых требует специальных познаний, то в зависимости от ситуации необходимо привлечение к участию в осмотре специалиста или назначение судебной экспертизы, что с учетом загруженности экспертных подразделений может привести к увеличению сроков судебного следствия.

Необходимо также отметить, что затягивание сроков судебного следствия, особенно при условии содержания под стражей подсудимого, недопустимо.

Согласно принципам уголовного судопроизводства и во исполнение требований об объективности проводимого осмотра необходимо беспристрастно исследовать все детали объекта и возможные нюансы, связанные с этим.

Проведение осмотра с «обвинительным уклоном» может отрицательно сказаться на результатах судебного следствия в целом. Объективность осмотра проявляется также в том, что по результатам осмотра необходимо сформировать обоснованные убедительные умозаключения, а не предположения, позволяющие участникам процесса трактовать результаты осмотра в ином, нужном им ракурсе.

Обеспечение выявления, фиксации и в случае необходимости исследования всех фактических данных, которые имеют отношение к предмету доказывания по делу, характеризует необходимую полноту осмотра. Это достигается благодаря широкому использованию научно-технических средств и криминалистических приемов и методов.

Умелое их применение в ходе осмотра позволяет выявить такие данные, которые в противном случае остались бы незамеченными и соответственно не имели бы наглядного, убедительного, а в результате – доказательного значения.

Государственный обвинитель должен обладать необходимыми знаниями в области криминалистики, в частности, знать механизм образования различных следов, более того, он обязан организовать проведение осмотра таким образом, чтобы не оставить вне поля зрения ни одного обстоятельства, имеющего значение для дела.

С учетом чрезмерной загруженности судов и желания в ряде случаев «ускорить» судебное следствие необходимо помнить, что поспешный, поверхностный осмотр не помогает созданию основательной доказательной базы, а наоборот, может спровоцировать дополнительные трудности, так как все сомнения или «сомнительные доказательства» трактуются в пользу подсудимого. Следует иметь в виду, что в ходе судебного следствия необходимо установить истину по делу, в том числе на основе досконального осмотра и сформированного на его основе бескомпромиссного, однозначного мнения.

Целями проведения судебного осмотра являются:

восполнение пробелов и упущений предшествующего осмотра, устранение недостатков, допущенных в ходе предварительного следствия;

проверка, уточнение, конкретизация и дополнение полученных сведений;

обнаружение, фиксация, изъятие носителей, содержащих криминалистически значимую информацию;

составление непосредственного представления об особенностях осматриваемого объекта.

В связи с тем что большинство уголовных дел содержат доказательства виновности подсудимого, то и осмотр указанных доказательств инициируется стороной обвинения независимо от побуждений заинтересованных лиц.

Государственный обвинитель в ходе судебного следствия во исполнение своего служебного долга обязан занимать активную творческую позицию, проявлять инициативу, настойчивость и упорство в деле изобличения преступника и доказывания вины последнего. Активность предполагает целеустремленность действий государственного обвинения в постановке определенных задач, которые он рассчитывает разрешить путем осмотра.

Методичность и последовательность осмотра заключаются в правильной организации и планомерном проведении осмотра, предполагают учет специфики осматриваемых объектов, а это есть не что иное, как применение наиболее эффективных для данных объектов и в конкретной обстановке методов и приемов.

Осмотр в судебном следствии можно разделить на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный. Общие положения тактики на всех этапах осмотра тесно связаны и взаимобусловлены.

Их совокупность по существу образует тактическую основу, на которой строится проведение осмотра. Соответственно, последовательность проведения осмотра – это строго определенный порядок действий, которым должен руководствоваться государственный обвинитель.

На подготовительном этапе осмотра, проводимого в ходе судебного следствия, государственному обвинителю необходимо:

установить, где и в каком состоянии находятся объекты, представляющие интерес, оценить ранее полученные результаты их исследования;

обеспечить оснащение необходимой криминалистической техникой;

изучить протоколы первоначального осмотра и все приложения к нему;

ознакомиться с доказательственной и другой ориентирующей информацией, содержащейся в иных, помимо протокола осмотра, материалах уголовного дела;

наметить цель и задачи предстоящего осмотра, определить последовательность и способы решения поставленных задач;

в случае необходимости получить предварительные консультации у соответствующих специалистов в контексте вопросов, возникших в ходе изучения материалов дела и при подготовке к осмотру, по результатам проведенных консультаций скорректировать тактику его проведения;

сформировать состав участников предстоящего осмотра, в случае необходимости обеспечить явку специалиста (специалистов), определить функции каждого из них;

целесообразно пригласить понятых, принимавших участие в первоначальном осмотре, в противном случае побеседовать с ними, выяснив существенные обстоятельства его проведения.

Различают осмотр двух видов, классифицированный по последовательности проведения, – первоначальный и повторный. Первоначальный – это первый осмотр, осуществляемый в ходе предварительного следствия. Повторный – любой последующий осмотр объекта, который ранее уже подвергался следственному осмотру. Осмотр на судебной стадии уголовного судопроизводства также является повторным.

С точки зрения криминалистической тактики первоначальный и повторный осмотры существенных различий не имеют. Как и при первоначальном осмотре, объект исследуется полностью, вместе со всеми обнаруженными на нем следами, причем недопустимы какие-либо ссылки на данные, полученные в ходе осмотра, осуществленного ранее.

Необходимость проведения повторного осмотра объекта, а не просто ссылка в ходе судебного следствия на соответствующий протокол его осмотра, осуществленного в ходе досудебного производства, может быть обусловлена:

сомнением в полноте, тщательности и надлежащем качестве ранее произведенного осмотра объекта;

необходимостью уточнения данных, установленных при первоначальном осмотре или полученных иным путем;

неприменением в ходе первоначального осмотра криминалистических средств, необходимых для осуществления более скрупулезного осмотра;

необходимостью личного восприятия и ознакомления судьи (присяжных заседателей) со значимыми особенностями осматриваемого объекта и иными нюансами;

производством первоначального осмотра в неблагоприятных условиях;

выявлением допущенных нарушений требований уголовно-процессуального закона при первоначальном осмотре (изъятие вещественных доказательств без отражения этого действия в протоколе осмотра, проведение осмотра без понятых, только с одним понятым и т.д.). Установление факта подобных нарушений влечет за собой признание судом соответствующих доказательств

недопустимыми, и лишь проведение повторного осмотра сможет дать возможность сослаться на полученные сведения в судебных прениях.

По объему действий осмотр подразделяется на основной и дополнительный. Основным является, зачастую, осмотр, проводимый на первоначальном этапе расследования.

Потребность дополнительного осмотра ранее уже осмотренного объекта обуславливается теми же ситуациями, что и повторного осмотра, разновидностью которого он и является по своей сути.

Вместе с тем при дополнительном осмотре наибольшее внимание сосредоточивается не на всем объекте, а лишь его отдельном элементе (элементах), нуждающемся в более тщательном изучении.

Таким образом, в настоящее время выделяют классификации осмотров по различным основаниям, что связано с процессуальными и тактическими особенностями их проведения.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального права все указанные виды осмотра, вне зависимости от его объекта, могут производиться не только на стадии предварительного расследования, но и в рамках судебного следствия.

Необходимо обеспечить соблюдение общих, наиболее значимых положений криминалистической тактики, при производстве всех видов осмотра независимо от объема, последовательности и объекта.

Применительно к каждому из объектов осмотра криминалистикой разработаны и апробированы многолетней практикой системы тактических приемов и конкретных рекомендаций, которые в совокупности с общими положениями составляют тактику соответствующего вида осмотра.

Сказанное касается в первую очередь тактики следственного осмотра отдельных объектов, имеющих между собой существенные различия и особенности в силу их специфичности.

Резюмируя, необходимо отметить, что в случае установления обстоятельств, указывающих на целесообразность проведения осмотра и разрешения указанных задач, на подготовительном этапе желательно наиболее полное осуществление мероприятий, описанных в настоящей статье.

На рабочем этапе осмотра также криминалистика в достаточном объеме регламентирует тактические рекомендации по его проведению. Однако соблюдение тактических приемов в ходе су-

дебного осмотра на практике осуществляется произвольно, по аналогии со стадией предварительного следствия или вообще не осуществляется.

На заключительном этапе осмотра, помимо формально-технических моментов (упаковка вещественных доказательств), формируются основополагающие умозаключения, и на их базе делаются выводы о результатах осмотра.

А.С. Семенов,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Взаимодействие прокуратуры и органов публичной власти в 50 – 80-х гг. XX века

Одним из внешних выражений деятельности прокуратуры является обеспечение надлежащего взаимодействия с органами публичной власти. Под «взаимодействием» в данном случае следует понимать взаимосогласованную деятельность различных органов, имеющих общие цели и задачи.

Обращаясь сквозь призму дня нынешнего к истории, проведем исследование взаимодействия прокуратуры с органами публичной власти в 50 – 80-х гг. XX века.

В 1955 г. Президиумом Верховного Совета СССР было утверждено Положение о прокурорском надзоре в СССР. Анализ его норм позволяет сделать вывод о том, что институт взаимодействия прокуратуры с органами публичной власти не был детализирован и касался только общих принципов взаимоотношений этих органов.

В 1979 г. был принят Закон о Прокуратуре СССР, который закрепил основные предписания Положения о прокурорском надзоре в СССР. Однако Закон содержал много новых положений, которые формировали институт взаимодействия прокуратуры с органами публичной власти.

К таковым ст. 3 Закона о Прокуратуре СССР относил:

1) разработку совместно с другими государственными органами мер предупреждения преступлений и иных правонарушений;

2) координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и другими правонарушениями (координационные совещания с участием представителей органов публичной власти);

3) участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов.

Не случайно Закон предоставлял Генеральному прокурору, прокурорам союзных и автономных республик право законодательной инициативы (ст. 9).

К основным формам взаимодействия прокуратуры с высшими органами государственной власти и управления относилось:

1) участие в заседаниях высших органов государственной власти и управления;

2) рассмотрение на сессиях вопросов, касающихся выполнения органами прокуратуры возложенных на них функций, обеспечения соблюдения отдельных законов и указов. Эти взаимоотношения обуславливались подзаконностью прокурорской деятельности, ответственностью и подотчетностью Генерального прокурора СССР перед Верховным Советом СССР и его Президиумом¹;

3) участие Генерального прокурора СССР и прокуроров союзных и автономных республик в законотворческой работе.

Закон о Прокуратуре СССР в ст. 4 закрепил систему принципов организации и деятельности прокуратуры, в числе которых был указан принцип взаимодействия органов прокуратуры с Советами народных депутатов.

Во взаимодействии органов прокуратуры и местных Советов можно отметить следующие основные формы:

1) участие прокуроров в сессиях местных Советов, заседаниях исполкомов;

2) взаимное информирование о состоянии законности на подведомственной Совету территории;

3) совместная разработка мер по предупреждению правонарушений и усилению борьбы с ними, в том числе планов экономического и социального развития на территории Совета;

4) оказание прокурорами содействия Совету и его органам в реализации правоохранительной функции Совета²;

¹ Новиков С.Г. Прокурорская система в СССР. М., 1977. С 128.

² См. подр.: Клейнер Б.И. Деятельность местных Советов по охране прав граждан и контролю за исполнением обязанностей в свете новой Конституции СССР: В кн. Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 133 – 138.

5) охрана и защита прав депутатов, оказание им юридической помощи;

6) участие прокуроров в правовой учебе депутатов;

7) координация работы Советов и правоохранительных органов по правовому воспитанию и правовой пропаганде.

Советские *судебные органы* являлись составной частью государственного аппарата. Судебные органы осуществляли социалистическое правосудие, которое представляло собой специфическую (судебную) деятельность Советского государства.

К числу наиболее распространенных организационных форм взаимодействия прокуратуры и суда относились следующие:

1) взаимный обмен информацией о состоянии, структуре и динамике преступности, практике назначения наказания, судимости и иной судебной статистике;

2) взаимное использование данных и материалов судебной, прокурорской и следственной практики;

3) участие прокурора в распорядительных и подготовительных заседаниях суда;

4) направление совместных информационных писем, справок, обзоров;

5) проведение совместных мероприятий по укреплению законности и усилению борьбы с преступностью (например, совместные мероприятия по повышению роли общественности в предупреждении правонарушений, оказание помощи представителям общественных организаций в их работе¹);

6) проведение совместных мероприятий по повышению квалификации судей, прокуроров. Одной из форм обучения являлось проведение межведомственных семинаров, конференций, круглых столов по повышению юридической квалификации;

7) совместная деятельность по подготовке законопроектов. Так, в составе комиссий законодательных предположений палат Верховного Совета СССР в 1959 г. работники Прокуратуры СССР участвовали в обсуждении проекта Основ уголовного законодательства Союза ССР;

8) участие в подготовке постановлений Пленума Верховного Суда СССР. Не случайно Законом о Прокуратуре СССР Генеральному прокурору СССР предоставлено право обращаться в Пленум Верховного Суда с представлениями о даче разъяснений по вопросам судебной практики по всем категориям дел.

¹ Яковлев М. Совершенствовать взаимодействие в работе органов прокуратуры и суда // Сов. юстиция. 1964. № 12. С. 4 – 6.

Совместная заинтересованность прокуратуры и суда в обеспечении единообразного понимания и применения законов, формировании стабильной судебной практики реализовалось также в обязательном участии Генерального прокурора СССР в заседаниях Пленума Верховного Суда СССР;

9) участие в координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и иными правонарушениями.

Особо здесь следует выделить участие представителей судебных органов в заседаниях координационных совещаний в качестве наблюдателей или лиц, информирующих участников координации о деятельности органов судебной власти.

Процессуальное взаимодействие, на наш взгляд, имело место:

1) при организации и проведении выездных процессов. Дела рассматривались с проведением выездных сессий с участием прокурора и представителей общественности в районах, где наиболее часты те или иные преступления¹;

2) при рассмотрении дел судом второй инстанции, рассмотрении дел по кассационным жалобам осужденных или по кассационным протестам прокуратуры;

3) при рассмотрении и решении судом вопросов, связанных с исполнением приговоров. Прокурор осуществлял надзор за исполнением приговора и решений судебных органов, а также наблюдал за правильным содержанием под стражей и за соблюдением законности в местах лишения свободы.

Практическое осуществление Советской власти, решение стоящих перед социалистическим государством задач и функций выполняли органы, которые в своей совокупности составляли *государственный аппарат*.

Советский государственный аппарат включал в себя: органы государственной власти, органы государственного управления, судебные органы и органы прокуратуры. Каждый из этих органов социалистического государства, осуществлял в той или иной форме единую государственную власть, составляя лишь часть единой системы органов Советского государства. Эти органы издавали акты, исполнение которых обеспечивало возможность применения государственного принуждения, принимали участие в осуществлении публичной власти².

Перед органами прокуратуры стояли важные задачи по укреплению социалистической законности и борьбе с правонару-

¹ Шинкарев А. Взаимодействие органов прокуратуры и суда в борьбе с преступностью // Сов. юстиция. 1968. № 22. С. 6, 7.

² Василенков П.Т. Органы советского государства и их система на современном этапе. М., 1967. С. 85.

шениями. Эти задачи четко определялись в Законе о Прокуратуре СССР (ст. 2).

Задачи прокуратуры тесно переплетались с задачами органов публичной власти, которые были закреплены в ст. 4 Конституции СССР. Безусловно, для органов публичной власти задачи в области обеспечения социалистической законности являлись важными, но далеко не единственными, так как в то время все основные задачи, стоящие перед органами прокуратуры были сконцентрированы в ст. 2 Закона о Прокуратуре СССР.

Кроме того, общность задач этих органов проявлялась и через единство объектов, на охрану которых была направлена их деятельность. Так, органы публичной власти обеспечивали охрану интересов общества, правопорядка, прав и свобод граждан. Практически те же объекты как у прокуратуры, так и у других правоохранительных органов: общественный строй СССР, права и законные интересы государственных и общественных организаций, права и интересы граждан.

Общность задач, стоящих перед органами публичной власти и прокуратуры, была не формальным их взаимодействием, а деловым сотрудничеством, комплексным подходом к проблемам, решение которых необходимо для обеспечения режима законности в стране.

О.Г. Серая,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**Рассмотрение обращений, поступивших от граждан
по электронным средствам связи
(состояние и пути совершенствования)**

В ходе проводимой в стране административной реформы ставятся задачи по обеспечению прозрачности органов власти. Работа с обращениями граждан имеет существенное значение для реализации этих задач. В целом же положение дел с обеспечением реализации конституционного права граждан на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления выступает одним из критериев оценки уровня современной демократии.

Принятие решений по обращениям граждан способствует росту и укреплению авторитета власти, повышает качество публичного управления и оказания государственных услуг. Обращения представляют собой источник информации о реальных потребностях населения, удовлетворение которых в значительной мере призван обеспечивать аппарат публичной власти.

Как известно, Конституцией Российской Федерации предусмотрено право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33). В целях нормативной конкретизации и реализации этих конституционных положений Президентом РФ 02.05.2006 подписан Федеральный закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 59-ФЗ).

На проведенном 30 – 31 октября 2008 г. Администрацией Президента Российской Федерации Всероссийском совещании по вопросам совершенствования организации рассмотрения обращений граждан в федеральных органах исполнительной власти отмечалось, что указанный Закон востребован всеми субъектами власти, он позволил властным структурам выстроить более четкую систему работы с обращениями, повысить ответственность каждого должностного лица за сроки и качество рассмотрения поступающих заявлений, предложений и жалоб. Законодательный акт становится инструментом гармонизации отношений между государством и обществом, государством и личностью. Он охватывает всю пирамиду власти: Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство России, федеральные министерства и ведомства, правоохранительные и судебные органы, региональные властные структуры и органы местного самоуправления. Работа всех этих властных образований должна быть направлена на то, чтобы в максимальной степени защитить права и законные интересы человека и гражданина. Закон в совокупности с другими правовыми актами такую возможность гарантирует¹.

Более четырех лет прошло с момента подписания Закона и вступления его в силу, за это время претерпели изменения и формы средств связи. Все большее значение приобретает использование сети Интернет. Современные информационные технологии

¹ См.: Доклад Беглова А.Д., заместителя Руководителя Администрации Президента Российской Федерации // Материалы Всероссийского совещания по вопросам совершенствования организации рассмотрения обращений граждан в федеральных органах исполнительной власти. Москва, 30 – 31 октября 2008 г.

оказывают существенное влияние на многие стороны общественной жизни, в том числе на процедуры взаимодействия государства и населения.

В целях повышения качества взаимоотношений государства и общества путем расширения возможности доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти, повышения оперативности предоставления государственных и муниципальных услуг, внедрения единых стандартов обслуживания населения; повышения эффективности межведомственного взаимодействия и внутренней организации деятельности органов государственной власти на основе организации межведомственного информационного обмена и обеспечения эффективного использования органами государственной власти информационных и телекоммуникационных технологий, повышения эффективности управления посредством внедрения информационных и телекоммуникационных технологий в деятельность органов государственной власти; повышения эффективности государственного управления, обеспечения оперативности и полноты контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления была принята и в настоящее время реализуется Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)»¹.

Реализация указанных мер в настоящее время позволяет гарантировать право граждан на обращение. Тем самым обращения, поступившие в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу по информационным системам общего пользования, подлежат рассмотрению в порядке, установленном Федеральным законом № 59-ФЗ. Ответ же на такое обращение по информационным системам общего пользования направляется по почте, по почтовому адресу, указанному в обращении.

При этом отметим, что в общепринятом понятии «почта» – это учреждение для пересылки писем, посылок, бандеролей, денег, здание, где помещается такое учреждение, а также пересылка, доставка средствами этого учреждения. «Адрес» – надпись на письме, почтовом отправлении, указывающая на место назначе-

¹ Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 28.01.2002. № 65.

ния и получателя, местонахождение, местожительство, а также обозначение, название местонахождения, местожительства¹.

Исходя из практики рассмотрения обращений, заявители в своих обращениях, направленных по сети Интернет, с использованием электронной почты, не всегда указывают почтовый адрес, т.е. адрес местожительства, по которому необходимо отправить ответ, и зачастую указывается только адрес электронной почты отправителя. В связи с этим, учитывая обязательность направления ответа заявителю по письменному обращению, на практике возникает вопрос о правомерности и достаточности использования адреса электронной почты.

Полагаем также, что права граждан при обращениях в органы власти должны быть одинаково защищены при использовании всех форм информационного взаимодействия, в том числе электронных. Кроме того, поскольку в Федеральном законе № 59-ФЗ не конкретизировано понятие почтового адреса, то представляется возможным при направлении ответа заявителю использование электронного средства связи на адрес электронной почты, вне зависимости от места жительства гражданина. Такая форма информирования заявителей о результатах проверок по обращениям будет способствовать информационной открытости органов власти, формированию эффективной и демократичной ее системы. Но при этом возникает ряд вопросов, и в частности, а как быть с конфиденциальностью направляемой органом власти в адрес заявителя информации, где гарантия, что ответ получит именно заявитель, а не другое лицо и т.д. и т.п.

Что же касается органов российской прокуратуры, то в настоящее время поступающие по электронной почте обращения граждан, содержащие сведения о нарушениях законодательства, охраняемых законом прав, свобод человека и гражданина, интересов общества и государства, на общих основаниях подлежат непременно рассмотрению и разрешению. В Генеральной прокуратуре Российской Федерации в соответствии с п. 2.3.2 Инструкции по делопроизводству в органах прокуратуры Российской Федерации и их учреждениях² Управление взаимодействия со средствами массовой информации обеспечивает передачу этих обращений в отдел прохождения корреспонденции для последующей регистрации в срок не позднее следующего рабочего дня со дня поступления обращения.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 944.

² Инструкция по делопроизводству в органах прокуратуры Российской Федерации и их учреждениях, утверждена приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 05.06.2008 № 107.

Характерно, что рассмотрению и разрешению в органах военной прокуратуры подлежат также и те обращения граждан, которые получены по Интернету иными способами, например по электронной почте. Полученные тем самым работниками военной прокуратуры обращения и прочие документы передаются в делопроизводительную службу не позднее следующего дня с отметкой о времени и месте получения документа¹.

Следует отметить, что работа с обращениями занимает значительное место в общем объеме деятельности органов прокуратуры. Практически все работники прокуратуры, независимо от участка или направления работы по той или иной отрасли прокурорского надзора, работают с обращениями граждан².

Завершая изложение, отметим, что направления реализации государственной политики в области развития и распространения информационных и телекоммуникационных технологий в современный период должны определяться в соответствии с текущими приоритетами и задачами развития нашего государства и общества и, конечно же, требуют своего дальнейшего нормативно-правового, в том числе законодательного урегулирования.

И.С. Симонова,
научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Укрытия преступлений в органах внутренних дел: результаты пилотажного исследования

Перемены в политической и социально-экономической жизни страны породили смещение нравственных и духовных ориентиров общества, которые вызвали рост преступности. Так, по данным официальной статистики, в 1991 г. было зарегистрировано 2 167 964 преступлений, а в 2009 г. – 2 994 820 соответственно³. При этом следует учитывать, что, по результатам прове-

¹ См., напр.: п. 1.2 Инструкции о порядке рассмотрения и разрешения обращений и приема заявителей в органах военной прокуратуры, утв. приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 09.04.2003 № 74.

² См.: *Прокурорский надзор за исполнением законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан: методич. пособие*. М., 2010. С. 30.

³ Выборочные данные из формы 1 – ЕГС за 2009 год и 1 – Г за 1991 год.

денных опросов общественного мнения, около 60% лиц, пострадавших от разного рода преступлений, предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, будучи уверены в том, что защиты от них не получат¹.

В 2009 – 2010 гг. нами было проведено анкетирование граждан, показавшее, что в отношении 17% респондентов были совершены различного рода уголовно наказуемые деяния. При этом большинство лиц становились жертвой кражи либо грабежа (мобильного телефона, кошелька, документов, сумки), из них только 10% обращались в правоохранительные органы и то с заявлением об утрате паспорта и иных документов. Остальные 90% потерпевших уверены: что преступник не будет найден и наказан (76%) либо не доверяют сотрудникам правоохранительных органов (9%) и т.п.

К одному из наиболее латентных видов преступлений относятся преступления против жизни и здоровья человека. При умышленном причинении легкого вреда здоровью или побоев в правоохранительные органы обращаются только 40% потерпевших, при этом 60% лиц не заявляют о совершении в отношении них преступных действий. Причины этого таковы:

10% считают, что потраченное время на уголовное судопроизводство не сопоставимо с желаемым результатом;

40% боятся мести преступника и уверены, что решение суда не сможет в последующем защитить их;

50% потерпевших уверены в безнаказанности преступника (уголовное дело не будет возбуждено, преступление не будет раскрыто, преступник не будет задержан или ему будет назначено мягкое наказание).

Несмотря на то что в настоящее время руководством страны уделяется особое внимание соблюдению гарантированных Конституцией Российской Федерации прав на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба², у населения сохраняется уверенность в безнаказанности преступника.

Результаты проведенного исследования показали, что сотрудники правоохранительных органов вызывают недоверие у россиян по ряду причин.

¹ Специальный доклад Уполномоченного по правам человека «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений», от 4 июня 2008 г.

² Ст. 52 Конституции РФ.

1. У потерпевшего или его знакомых ранее был негативный опыт обращения в правоохранительные органы. Лицо не получило правовой защиты: отказали в принятии заявления (сообщения) о преступлении; необоснованно, с точки зрения потерпевшего, отказали в возбуждении уголовного дела; не был достигнут желаемый результат (преступник не привлечен к ответственности либо удалось избежать наказания).

2. Уверенность граждан в коррумпированности сотрудников правоохранительных органов.

3. Уверенность граждан в безнаказанности сотрудников правоохранительных органов при совершении преступления, что противоречит принципу равенства граждан перед законом¹.

Так, при анкетировании сотрудников органов внутренних дел практически все респонденты на вопрос «Какая часть сообщений о преступлениях, совершенных должностными лицами правоохранительных органов, регистрируется?», ответили – 5 – 7%, при этом привлекают к ответственности еще меньше, во всех остальных случаях «преступнику в погонах» удается избежать наказания.

4. Нередко встречается мнение о наличии у сотрудников органов внутренних дел связей в криминальной среде.

За последние семь лет число зарегистрированных заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях увеличилось практически в два раза, при этом количество возбужденных уголовных дел непрерывно уменьшается. В процентном соотношении это выглядит следующим образом:

2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
31,79%	29,49%	31,87%	30,35%	26,81%	23,51%	21,44%

Таким образом, уголовное дело возбуждается только в каждом пятом случае из всех заявлений и сообщений о преступлении (рис. 1).

¹ Ст. 4 Уголовного кодекса РФ.

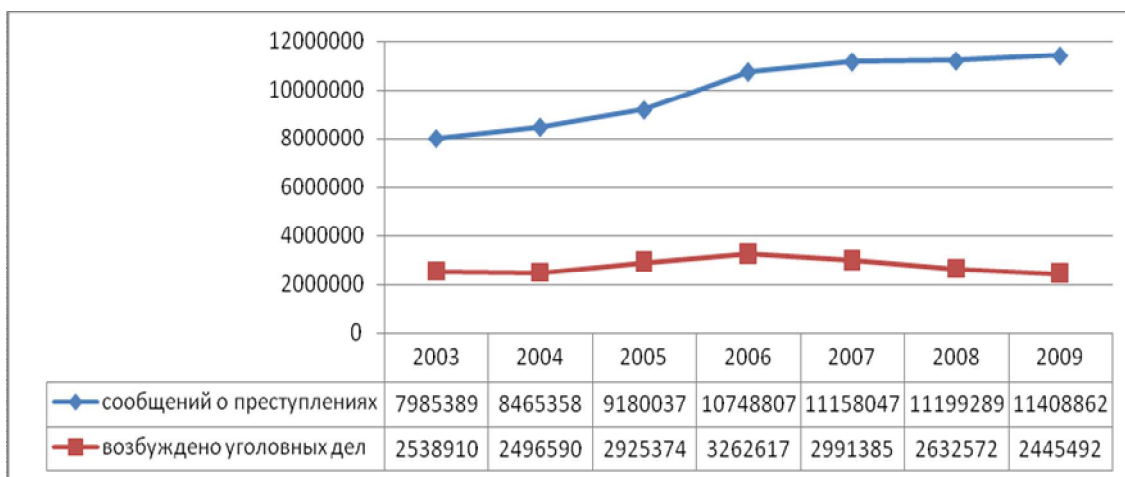

Рис. 1. Динамика темпов роста сообщений о преступлениях и числа возбужденных уголовных дел на территории Российской Федерации за период с 2003 по 2009 г.

Снижение количества возбужденных уголовных дел можно объяснить тем, что, по данным проведенного опроса сотрудников органов внутренних дел, на вопрос: «Критикуют ли Вас за рост преступности на порученном Вам участке работы?», 56% респондентов ответили положительно, а 73% указали, что основным условием оценки работы органов внутренних дел является улучшение показателей по сравнению с прошлым отчетным периодом. Сотрудникам органов внутренних дел «не выгодно» регистрировать весь объем поступивших заявлений о преступлениях. В первую очередь к ним относятся заявления:

- о преступлениях с малой вероятностью раскрытия и избличения виновных лиц;
- о преступлениях незначительной общественной опасности;
- о преступлениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел и должностными лицами государственных органов.

Именно в этом причины укрытия преступлений. Укрытие преступлений – это *незаконная деятельность, выражающаяся в действии либо бездействии должностных лиц, направленная на достижение определенной цели, заключающаяся в нарушении уголовно-процессуального законодательства и носящая общественно опасный характер.*

В зависимости от характера и степени общественной опасности преступления укрытие происходит на разных стади-

ях, тем не менее существуют наиболее типичные способы, к которым можно отнести следующие:

1) укрытие преступлений на стадии приема сообщения и заявления о преступлении;

2) укрытие преступлений на стадии регистрации преступления;

3) укрытие преступлений на стадии досудебного производства (незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, незаконное присоединение уголовного дела к ранее возбужденному, незаконная классификация деяния (как административного правонарушения) и иные формы фальсификации документов).

Рост числа укрытых преступлений подтверждают статистические данные по прокурорскому надзору за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства (за исключением данных о надзоре за ОРД)¹. Мы видим, что за последние четыре года количество выявленных прокурором нарушений закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях непрерывно росло (рис. 2).

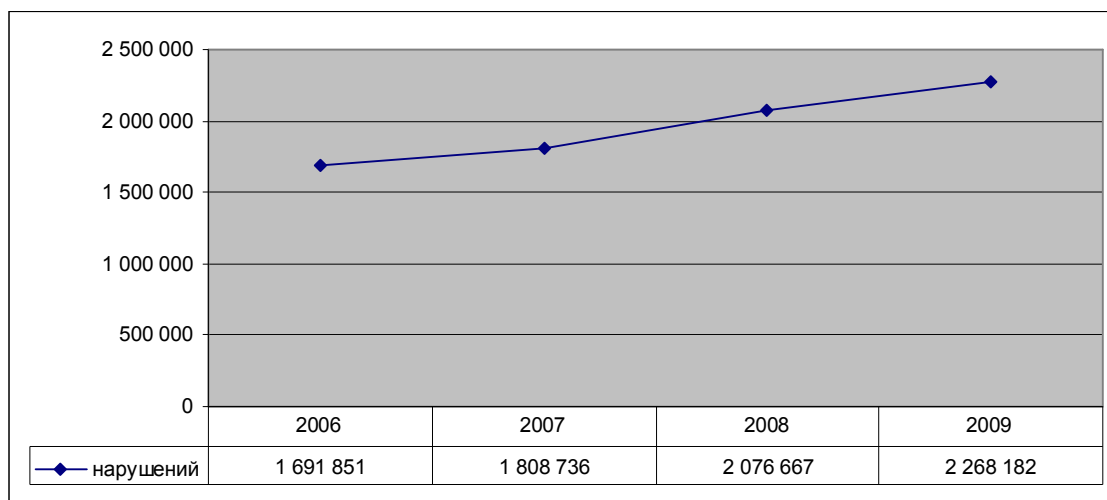

Рис. 2. Количество выявленных прокурором нарушений закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях

Наиболее важным аспектом укрытия преступлений считается требование власти постоянно добиваться снижения уровня преступности и повышения процента раскрываемости преступлений в стране. Еще двадцать лет назад А.П. Дубровин отмечал, что «тре-

¹Данные взяты из формы П 555.

бование закона в части возбуждения уголовного дела по неочевидному преступлению, в сочетании с неадекватной оценкой работы по проценту раскрываемости, отсутствием материально-технических и организационных условий, профессиональных знаний для установления подозреваемых по каждому преступлению и ответственности правоохранительных органов за рост преступности, породили такие негативные явления, как прямое или завуалированное укрытие преступлений от учета, в первую очередь не представляющих повышенной общественной опасности»¹.

Данную точку зрения поддерживают многие ученые, в том числе Т.В. Томин считает, что «расцвел не получивший отпора дилетантизм (впрочем, можно сказать и так: профессионалов в раскрытии преступлений и разрешении уголовных дел начали заменять профессионалы в получении показателей), широко распространилась чуждая уголовной юстиции чиновничья психология, когда движитель поведения – не судьба человека (потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого), а оценка делопроизводителя столоначальником»².

В настоящее время еще одним актуальным фактором укрытия преступлений является коррумпированность сотрудников правоохранительных органов.

Проведенное в 2009 – 2010 гг. анкетирование и интервьюирование лиц, отбывающих наказание в исправительных колониях, показали, что на вопрос: «Каким способом преступнику удастся избежать уголовного наказания», 20% осужденных ответили – «наличие у преступника родственных или иных связей с сотрудниками правоохранительных органов» и 45% респондентов – «путем дачи взятки».

Укрытие преступлений от регистрации – это фактор, порождающий безнаказанность в нашей стране и подрывающий авторитет государства.

Одной из целей уголовного наказания является предупреждение совершения новых преступлений, при этом со снижением уровня раскрываемости и увеличением количества постановлений

¹ См.: Дубровин А.П. Необходим новый порядок разрешения сообщений о преступлениях // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. М., 1990. С. 9, 10.

² Томин Т.В. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 28.

об отказе в возбуждении уголовного дела «у лиц, склонных к совершению преступлений, формируется уверенность в реальной возможности безнаказанного совершения уголовных посягательств, что является дополнительным стимулом для активизации их криминальной деятельности»¹.

Из сказанного следует вывод, что единственным выходом из сложившейся ситуации мы считаем уход от неблагоприятной практики ответственности сотрудников правоохранительных органов за рост уровня преступности в нашей стране.

Е.В. Терентьева,
старший научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

**К вопросу о предпосылках для ратификации
Российской Федерацией Конвенции № 176 МОТ
«О безопасности и гигиене труда на шахтах»
(Женева, 22 июня 1995 г.)**

Безопасность труда на территории Российской Федерации регулируется законодательством о труде. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации признаются составной частью ее правовой системы. При этом если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены законодательством, то применяются правила международного договора (п. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Согласно Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности...» (ч. 3 ст. 37). Вопросы безопасности труда шахтеров в Рос-

¹ Тищенко В.Н. Законность в Российской Федерации. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2008. С. 454.

сийской Федерации также регламентированы следующими нормативными актами:

1) Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», в котором установлены требования промышленной безопасности к эксплуатации опасного производственного объекта (ст. 9);

2) Федеральный закон от 20.06.1996 № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенности социальной защиты работников организаций угольной промышленности», в котором говорится, что ответственность за нарушение положений этого Закона определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 26);

3) Правила безопасности в угольных шахтах, утвержденные постановлением Федерального горного и промышленного надзора России (далее – Госгортехнадзор России) от 05.06.2003 № 50, в которых определено, что «ответственность за организацию и осуществление производственного контроля несет владелец эксплуатирующей организации и лица, на которых возложены такие обязанности в соответствии с законодательством Российской Федерации» (абз. 2 п. 10);

4) Инструкция по безопасности работ при пневматическом зарядании гранулированных взрывчатых веществ в подземных выработках шахт и рудников, утвержденная постановлением Госгортехнадзора России от 03.04.2003 № 11, устанавливающая в организации лиц, ответственных за исправность зарядного оборудования, а также порядок осмотров и ремонтов этого оборудования (п. 2.2);

5) Инструкция по безопасной перевозке людей ленточными конвейерами в подземных выработках угольных и сланцевых шахт, утвержденная постановлением Госгортехнадзора России от 30.12.2002 № 73, определяющая: 1) конвейер для перевозки людей вводится в эксплуатацию после опробирования и приемки комиссией, назначенной приказом по шахте, с участием (по согласованию) представителей территориальных органов Госгортехнадзора России (п. 6.1); 2) ответственность за безопасную перевозку людей возлагается на начальника участка, в ведении которого находится

конвейер. Сменный надзор за безопасной перевозкой людей возлагается на горного мастера этого участка (п. 6.2).

Но было бы иллюзией считать действующие правовые акты синонимом реального переустройства общественных отношений: результаты прокурорских проверок обличают крайне распространенный характер нарушения. Это подтверждается и участвовавшими трагическими событиями на шахтах, в том числе происшедшими 9 мая 2010 г. на шахте «Распадская» в г. Междуреченске Кемеровской области, повлекшими смерть людей (погибло 67 шахтеров и горноспасателей, 23 человека считаются пропавшими без вести¹).

В свете этих проблем в современном российском обществе активно дискутируется вопрос о необходимости присоединения Российской Федерации к принятой международной организацией труда в Женеве 22.06.1995 Конвенции № 176 «О безопасности и гигиене труда на шахтах».

Согласно ст. 5 этой Конвенции назначается компетентный орган для осуществления надзора и регулирования различных аспектов безопасности и гигиены труда на шахтах.

В соответствии с Конвенцией национальное законодательство должно предусматривать:

1) контроль за состоянием безопасности и гигиены труда на шахтах;

2) инспекцию шахт инспекторами, назначенными для этой цели компетентным органом;

3) процедуры уведомления и расследования смертельных и тяжелых несчастных случаев, опасных происшествий и катастроф на шахтах в том смысле, как каждое из указанного определяется национальным законодательством;

4) сбор и публикацию статистических данных о несчастных случаях, профессиональных заболеваниях и опасных происшествиях, в том смысле, как каждое из указанного определяется национальным законодательством;

5) предоставление компетентному органу полномочий приостанавливать или ограничивать производственную деятельность на шахте по причинам плохого состояния безопасности и гигие-

¹ <http://www.rg/2010/06/24/reg-sibir>

ны труда, пока условия, давшие основание для такой приостановки или ограничения, не будут исправлены;

б) установление эффективных процедур, обеспечивающих реализацию прав трудящихся и их представителей на участие в консультациях по вопросам безопасности и гигиены труда на рабочем месте и на участие в проведении мероприятий по обеспечению безопасных и здоровых условий труда на рабочем месте.

Также законодательство должно обеспечивать, чтобы производство, хранение, транспортировка и использование взрывчатых веществ и инициирующих устройств на шахте осуществлялись лицами, имеющими квалификацию и необходимое для этого разрешение, или под их непосредственным контролем.

В соответствии с этой Конвенцией законодательство стран, ратифицировавших ее, должно определять:

1) требования в отношении горноспасательных работ первой медицинской помощи и соответствующего медицинского обеспечения;

2) обязательство обеспечивать и адекватным образом содержать самоспасатели для трудящихся, занятых на подземных работах в угольных шахтах, и, в случае необходимости, на других подземных шахтах;

3) защитные мероприятия по отношению к отработанным горным выработкам, с тем чтобы опасность для жизни и здоровья была устранена или сведена до минимума;

4) требования в отношении безопасного складирования, транспортировки и размещения опасных веществ, используемых в горном производстве, и отходов от горного производства;

5) в случае необходимости, обязательство предоставлять достаточные санитарные удобства и помещения для умывания, смены одежды и принятия пищи и содержать их в гигиеническом состоянии.

Также национальное законодательство должно предусматривать, что работодатель, ответственный за эксплуатацию шахты, обеспечивает подготовку соответствующих планов горных выработок, а в случае осуществления каких-либо существенных изменений, периодическое обновление таких планов и их доступность на шахте для ознакомления с этими планами.

В разделе III «Меры по предотвращению рисков и защите на шахте» предусмотрена ответственность работодателей. Так, ст. 6 Конвенции предусматривает, что, осуществляя меры по предотвращению рисков, работодатель оценивает риски и воздействует на них в следующем порядке приоритетности:

- 1) устранение риска;
- 2) контроль за риском у его истока;
- 3) сведение риска до минимума средствами, которые включают разработку систем ведения безопасных работ;
- 4) обеспечение применения средств индивидуальной защиты, если риск сохраняется.

Работодатели на основании ст. 7 Конвенции обязаны принимать все необходимые меры для устранения или сведения до минимума рисков для жизни и здоровья на шахтах, в частности:

обеспечивать, чтобы при проектировании шахты, ее строительстве и оснащении электротехническим, механическим и другим оборудованием, включая систему связи, создавались условия для ее безопасной работы и здоровая производственная среда;

обеспечивать, чтобы шахта вводилась в эксплуатацию, эксплуатировалась, обслуживалась и выводилась из эксплуатации таким образом, чтобы трудящиеся могли выполнять возлагаемые на них производственные задания, не ставя под угрозу ни свою безопасность и здоровье, ни безопасность и здоровье других лиц;

принимать меры по поддержанию устойчивости пород в местах, куда люди имеют доступ в связи с выполнением своей работы;

оборудовать в случае практической осуществимости два выхода от каждого рабочего места под землей, каждый из которых должен вести к отдельным средствам выхода на поверхность;

обеспечивать контроль за производственной средой, оценку и регулярную проверку ее состояния с целью выявления различных опасностей, под воздействием которых могут оказаться трудящиеся, и оценку уровня этого воздействия;

обеспечивать надлежащую вентиляцию всех подземных горных выработок, в которые разрешен доступ людей;

для зон, подверженных особым рискам, разрабатывать и осуществлять оперативный план и мероприятия с целью обеспечения безопасного ведения работ и защиты трудящихся;

принимать меры предосторожности, соответствующие характеру горных работ, с целью предупреждения, обнаружения и борьбы с возникновением и распространением пожаров и предупреждения взрывов;

обеспечивать в случае возникновения серьезной угрозы безопасности и здоровью трудящихся прекращение работы и эвакуацию трудящихся в безопасное место.

Работодатель обязан подготавливать для каждой шахты план чрезвычайных мероприятий, учитывающий обоснованно предсказуемые промышленные аварии и природные катастрофы (ст. 8 Конвенции).

В случае, если трудящиеся подвергаются воздействию физических, химических или биологических факторов риска, работодатель:

информирует трудящихся в понятной для них форме об опасностях, связанных с их работой, о сопряженных факторах риска для здоровья и о соответствующих мерах по предотвращению рисков и защите;

принимает соответствующие меры по устранению или сведению до минимума рисков, возникающих в результате воздействия этих факторов;

если надлежащая защита от риска несчастного случая или ущерба здоровью, включая воздействие вредных условий, не может быть обеспечена иными средствами, предоставляет и содержит в должном состоянии без расходов для трудящегося соответствующие средства защиты, одежду, в случае необходимости, и другие устройства, определяемые национальным законодательством;

предоставляет трудящимся, пострадавшим в результате травмы или заболевания на рабочем месте, первую медицинскую помощь, надлежащие транспортные средства для их перевозки от рабочего места и доступ в соответствующие медицинские учреждения (ст. 9 Конвенции).

Работодатель должен обеспечивать:

проведение для трудящихся бесплатно соответствующих программ профессиональной подготовки и переподготовки и получение ими понятных инструкций по вопросам безопасности и гигиены труда, а также по выполнению порученной работы;

осуществление во время каждой смены надлежащего надзора и контроля с целью обеспечения безопасной эксплуатации шахты и в соответствии с требованиями национального законодательства;

введение системы, при которой фамилии всех лиц, находящихся под землей, могут быть точно известны в любое время, как и их возможное местонахождение;

проведение расследований и принятие соответствующих корректирующих мер в связи со всеми несчастными случаями и опасными происшествиями;

представление компетентному органу отчетов по несчастным случаям и опасным происшествиям (ст. 10 Конвенции).

Исходя из общих принципов гигиены труда, работодатель обеспечивает проведение регулярного медицинского наблюдения за трудящимися, на которых на их рабочем месте воздействуют факторы повышенной опасности, характерные для горной промышленности (ст. 11 Конвенции).

Если два или более работодателя осуществляют работы на одной и той же шахте, то работодатель, ответственный за шахту, координирует проведение всех мер, связанных с безопасностью и гигиеной труда работников, и несет главную ответственность за безопасность работ. Это не освобождает каждого из работодателей от ответственности за проведение всех мер, связанных с безопасностью и гигиеной труда их работников (ст. 12 Конвенции).

В Конвенции заложены и другие положения, направленные на обеспечение безопасности шахтеров. Многие из них не содержатся в российском законодательстве, что не отвечает современным потребностям, интересам российских шахтеров. Причем отечественное законодательство, обеспечивающее безопасность труда и жизни шахтеров Российской Федерации, нуждается в совершенствовании как путем ратификации названной Конвенции, так и принятием других законодательных актов и внесением изменений и дополнений в ныне действующее.

Среди возможных мер необходимо:

1) принять ряд нормативных документов не только о безопасности в угольных шахтах, но и рудных и в других видах шахт;

2) внести изменения в ст. 143 УК РФ «Нарушение правил охраны труда», дополнив ее ч. 3 следующего содержания: «То же деяние, повлекшее смерть двух и более лиц или иные тяжкие последствия, наказывается лишением свободы на срок до семи лет с лишением занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью»;

3) внести изменения в санкцию ч. 2 ст. 145¹ УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат», ужесточив наказание и изложив ее в следующей редакции: «наказывается штрафом в размере от пятисот тысяч до десяти миллионов рублей или иного дохода осужденного за период от одного года до пяти лет либо лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». В связи с этим необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 46 УК РФ, увеличив размер штрафа, например, до 10 млн. руб.

Е.Н. Терехова,

старший научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**Посягательство на жизнь лица,
осуществляющего правосудие
или предварительное расследование,
как преступление с усеченным составом**

Под посягательством на жизнь понимаются следующие альтернативные деяния:

1) «убийство названного в диспозиции ст. 295 УК РФ лица. В этой части состав преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, сконструирован как материальный состав, для которого обязательны действие, направленное на лишение жизни потерпевше-

го, последствие (смерть потерпевшего) и причинная связь между ними. Преступление считается оконченным в момент наступления смерти.

2) покушение на убийство названного в диспозиции ст. 295 УК РФ лица. При покушении совершается действие, непосредственно направленное на причинение смерти, но оно не доводится до конца по не зависящим от субъекта преступления обстоятельствам (ч. 3 ст. 30 УК РФ), т.е. налицо так называемый усеченный состав, когда момент окончания преступления переносится на стадию покушения. Наступления последствия в виде смерти потерпевшего не требуется»¹.

А.В. Галахова считает, что такая сложная характеристика объективной стороны рассматриваемого преступления обязывает дифференцированно взглянуть на конструкцию состава и отнести его к материально-формальным².

На наш взгляд, более точным было бы определение состава преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, как усеченного, так как посягательство на жизнь указанных в диспозиции ст. 295 УК РФ лиц, не повлекшее наступление общественно опасных последствий в виде смерти потерпевшего, имеет усеченный, а не формальный состав. Кроме того, определяя вид состава преступления, следует иметь в виду, что момент окончания рассматриваемого преступления определяется только по покушению. В связи с этим понимание состава как альтернативного (материально-формального) не совсем корректно, поскольку происходит смешение двух вопросов, лежащих в несколько различных плоскостях: видов деяний, охватываемых ст. 295 УК РФ, и вида состава преступления.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по отношению к основному непосредственному объекту (нормальному функционированию и (или) авторитету правосудия) диспозиция ст. 295 УК РФ построена законодателем по принципу формальных составов преступлений. Этот вывод следует из того, что закон не связывает момент окончания преступления с наступлени-

¹ См.: *Преступления против правосудия* / под ред. А.В. Галаховой. М., 2005. С. 65.

² Там же.

ем каких-либо общественно опасных последствий для интересов правосудия.

Таким образом, повышенная ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), проявляется не только в увеличении нижнего предела санкции с 8 до 12 лет лишения свободы, в сравнении с нормой, предусмотренной п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга), но и в конструировании состава преступления лиц как усеченного.

По мнению законодателя, это преступление представляет повышенную общественную опасность. Поскольку в соответствии с ч. 3 и ч. 4 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление, а смертная казнь или пожизненное лишение свободы за покушение на преступление не применяются, то можно считать, что, благодаря предписанию, содержащемуся в ст. 295 УК РФ, превышен и верхний предел наказания за покушение на убийство лиц, указанных в данной статье.

Усеченные составы характеризуются тем, что, формулируя их, законодатель признает преступление оконченным, когда деяние, охватываемое умыслом виновного и прямо направленное на объект, еще не совершено, но объект уже ставится в явную опасность причинения ему ущерба. От формальных составов преступлений усеченные отличаются тем, что «прямым умыслом виновного охватываются не только действия, входящие в состав преступления, но и дальнейшие, направленные на тот же объект действия и их результат, находящиеся за пределами данного состава»¹.

Однако, на наш взгляд, законодательное конструирование объективной стороны рассматриваемого преступления не является безупречным. Как уже отмечалось, санкция ст. 295 УК РФ является

¹ См.: Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 44.

одной из самой строгих в российском уголовном законодательстве, так как предусматривает лишение свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо пожизненное лишение свободы, либо смертную казнь. В то же время наказание за убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, установлено в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет с ограничением свободы до 2 лет либо без такового. Сравнительный анализ санкций приведенных статей показывает, что при предотвращенном убийстве в связи с осуществлением правосудия или предварительного расследования замах ножом над потерпевшим может повлечь намного более суровое уголовное наказание вплоть до пожизненного лишения свободы, чем убийство человека, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ. Такая несбалансированность санкций представляется нам неоправданной, поскольку, как справедливо отмечал Н.Д. Сергеевский, «определяя наказание за отдельные преступные деяния, положительное право всегда руководствуется началом соразмерности наказаний по их тяжести со значением преступных деяний»¹.

На наш взгляд, было бы целесообразнее сформулировать состав преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, как материальный. Ни в коей мере не умаляя особой повышенной опасности рассматриваемого деяния в силу его двуобъектности, мы полагаем, что наказание в виде пожизненного лишения свободы, а тем более смертной казни за покушение на убийство указанных в диспозиции ст. 295 УК РФ лиц является несоразмерно суровым. Повышение нижнего предела санкции до 12 лет представляется достаточной уголовно-правовой мерой, обеспечивающей социальную справедливость и превентивное значение наказания за покушение на убийство, совершенное в связи с осуществлением правосудия или предварительного расследования.

В остальном же следовало бы применять общие правила назначения наказания за неоконченное преступление, согласно которым срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать $\frac{3}{4}$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, а смертная казнь и пожизненное

¹ См.: *Сергеевский Н.Д.* Наказание в русском праве XVII века: исследование / отв. ред. А.И. Чучаев, А.А. Ашин, М. 2008. С. 43.

лишение свободы за неоконченное преступление не назначаются (ч. 3, 4 ст. 66 УК РФ).

То обстоятельство, что за совершение посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, в виде покушения на убийство, как показало изучение материалов уголовных дел, назначенное судом наказание не превышало 15 лет лишения свободы, т.е. $\frac{3}{4}$ максимального срока наказания, не гарантирует реализации подобной практики в будущем.

Мнение о том, что предоставленная законодателем возможность индивидуализировать наказание относительно-определенной санкции в зависимости от последствий посягательства обеспечивает справедливость назначенного наказания в каждом конкретном случае, несостоятельно. Регламентируя пределы уголовной ответственности за преступления, совершенные в отношении лиц, указанных в качестве потерпевших в диспозиции ст. 295 УК РФ, законодателю следовало бы учесть специфику этой категории уголовных дел, по которым потерпевшими признаются должностные лица (их близкие), связанные «профессиональной солидарностью» с участниками судопроизводства по уголовному делу, что не исключает возможные злоупотребления.

Компаративный анализ показал, что в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран вообще отсутствуют специальные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование¹. Представляет интерес позиция французского законодателя. В главе «Преступления против жизни и здоровья» УК Франции помимо основного состава убийства (ст. 221.1) предусмотрены квалифицированные составы, среди которых совершение указанного преступления в отношении магистрата, присяжного заседателя, адвоката, какого-либо должностного лица системы правосудия или любого другого лица, являющегося представителем государственной власти или чиновником государственной службы, при исполнении или в связи с исполнением этих обязанностей или возложенного на него зада-

¹ Подобная специальная норма отсутствует в уголовном законодательстве Швейцарии, Польши, Испании, Республики Беларусь, Эстонской, Латвийской и Литовской республик.

ния, если статус потерпевшего очевиден или известен исполнителю (п. 4 ст. 221.4)¹. За убийство указанных лиц предусмотрен только один вид наказания – пожизненное тюремное заключение. За счет суровости данной санкции достигается необходимый уровень уголовно-правовой охраны жизни не только лиц, осуществляющих правосудие, но и любого другого чиновника государственной службы.

Опрос ученых, специализирующихся в области уголовного права, показал, что подавляющее их большинство (92%) не разделяют позицию российского законодателя и считают, что состав преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ, равно как и ст. 277 и 317 УК РФ, целесообразно конструировать как материальный.

В.О. Филимонов,
соискатель Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Права и свободы человека и гражданина как предмет правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации

Федеральным законом от 17.11.1995 №168-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» как одно из основных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации провозглашено правозащитное направление. Однако до сих пор нельзя признать разработанными теоретические основы деятельности

¹ Необходимо отметить, что среди квалифицирующих признаков есть и такой, как совершение деяния в отношении свидетеля, пострадавшего или потерпевшего либо с тем, чтобы помешать им сообщить факты, подать жалобу или дать показания в суде, либо в связи с сообщением ими фактов, подачей жалобы или дачей показаний в суде.

российской прокуратуры по защите прав и свобод человека и гражданина¹.

В первую очередь необходимо определить предмет право-защитной деятельности.

Безусловно, это права и свободы человека и гражданина, закрепленные в общепризнанных принципах и нормах международного гуманитарного права, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации (гл. 2 Конституции Российской Федерации).

Теоретические исследования в данной области и правоприменительная практика свидетельствуют о значительных проблемах в толковании базовых терминов международного гуманитарного права, что влияет и на фактическую реализацию прав и свобод человека.

Формальное включение (имплементация) норм международного гуманитарного права в Конституцию Российской Федерации в данном аспекте не может быть достаточным условием для реализации прав и свобод. Необходимо правильное толкование и применение норм в названной сфере всеми субъектами правоотношений, что может быть достигнуто только при единообразном понимании ключевых, базовых терминов международного гуманитарного права, а также универсализации их иерархического построения. В связи с этим предлагается авторское определение базовых терминов гуманитарного права (т.е. основных терминов в области прав и свобод человека и гражданина).

Права и свободы человека необходимо различать с точки зрения их содержания (материальные права человека) и с точки зрения способа их применения, реализации (процессуальные права человека).

Права и свободы человека и гражданина – установленные в законном порядке на международном и национальном уровнях научно обоснованные международным сообществом и им утвержденные стандарты в различных областях жизнедеятельности человека. Толкование этих стандартов, данное легитимными субъек-

¹ Бессарабов В.Г., Кашаев К.А. Защита Российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина. М., 2007. С. 7.

тами правоприменения, в процессе правоприменительной практики является составной частью российской правовой системы.

Права и свободы человека в процессуальном смысле необходимо понимать как способы реализации материальных прав и свобод человека, а именно:

а) свобода человека есть пассивная форма реализации возможностей человека, определенных материальным гуманитарным правом, заключающаяся в том, что все субъекты правоотношения в области прав человека, обязаны не препятствовать последнему в реализации принадлежащего ему права;

б) право человека – это активная форма реализации возможностей человека, определенных материальным гуманитарным правом, заключающаяся в обязанности субъектов данных правоотношений оказать всемерное содействие в реализации конкретного права человека вплоть до его реализации.

Предлагаемая иерархия прав и свобод человека является условной точкой отсчета, позволяющей универсализировать правоприменение в этой специфической отрасли права.

К первой группе прав человека необходимо отнести право на жизнь и права, производные от него, под которыми следует понимать права, в которых заложены элементы права на жизнь.

Ко второй группе прав следует отнести права человека, непосредственно не связанные с реализацией права на жизнь, но обеспечивающие его самоидентификацию как человека и как личности.

Данное право подразделяется на права личные, политические, культурные с иерархической соподчиненностью по ниспадающей в данном виде прав человека. Указанная иерархическая соподчиненность прав и свобод в своей основе зиждется на двух критериях человеческого существования – и праве на жизнь, и праве на достоинство, от которых все остальные права и свободы производны в той или иной степени.

Изучая соотношение правовых категорий «ограничение права» и «предел использования права», автор статьи пришел к выводу о том, что данные правовые категории не тождественны, в связи с чем им дано определение. Под «пределом использования права» необходимо понимать содержание конкретного права, при выходе

за границы которого наступают правовые последствия в виде нарушения другого права.

Под «ограничением права» следует понимать уменьшение возможности использования содержания конкретного права в полном объеме. Характерными признаками данной правовой категории являются факультативные признаки: ограничение по времени (чрезвычайное положение), по субъектам (связанное с профессиональными признаками), с территориальными признаками и т.д.

Исходя из изложенного под незаконной имплементацией необходимо понимать предполагаемое в связи с имплементацией либо уже нарушенное имплементацией нормы международного гуманитарного права в правовую систему РФ, конституционное право конкретного человека, неопределенного круга лиц либо государственный суверенитет.

Исходя из предмета правозащитной деятельности прокуратуры, необходимо установить в Конституции РФ право и обязанность Генерального прокурора РФ при осуществлении надзора за исполнением норм и принципов международного права в области защиты прав человека и гражданина на обращение в Конституционный Суд РФ, для чего наделить функцией права предварительной проверки международных договоров, не вступивших в законную силу, для инициирования вопроса об их незаконности в Конституционном Суде РФ.

Необходимо в Конституции РФ предоставить Генеральному прокурору право и обязанность опротестовывать незаконные международные договоры и соглашения с коррелирующим правом Конституционного Суда РФ признавать такие договоры неконституционными. В связи с этим предлагается дополнение ст. 129 Конституции РФ и ст. 45 ГПК РФ.

Часть 3 ст. 129 Конституции РФ изложить в следующей редакции: «Прокуроры всех уровней назначаются Генеральным прокурором Российской Федерации».

Часть 4 ст. 129 Конституции РФ в ее настоящей редакции исключить.

Изложить ч. 2 ст. 129 Конституции РФ в следующей редакции: «Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени

Российской Федерации надзор за соблюдением и исполнением всеми общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров, заключенных в соответствии с международным и национальным законодательством, Конституцией РФ, федеральными законами, нормативными правовыми актами субъектов правоотношений, принятых в пределах их компетенции.

При осуществлении полномочий по исполнению надзорных функций прокурор с соблюдением принципа соподчиненности имеет право обратиться в любую национальную судебную либо иную уполномоченную организацию для защиты прав и свобод человека.

Генеральный прокурор, прокуроры при осуществлении возложенных на них полномочий имеют право лично либо через своих представителей присутствовать на заседаниях законодательных, исполнительных, судебных органов, участвовать в рассмотрении всех дел судами Конституционным, Арбитражным, общей юрисдикции; принимать меры к устранению нарушений закона данными органами; обращаться с запросами для дачи разъяснений в высшие суды Российской Федерации.

Действие либо бездействие прокурора может быть обжаловано заинтересованным лицом в суде соответствующей инстанции в установленном порядке.

На прокуроров распространяются все привилегии, установленные для судей статьей 122 Конституции Российской Федерации».

Соответствующие изменения должны быть внесены и в производные от настоящей статьи Конституции Российской Федерации законы: Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральные конституционные законы: от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

В ст. 45 ГПК РФ внести следующие изменения: «Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов физических, юридических лиц, неопределенного круга лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации».

Федерации, муниципальных образований, иных субъектов правоотношений».

Исключить из ч. 2 ст. 45 ГПК РФ: «Заявление в защиту прав и свобод законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд».

А.И. Халиуллин,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

К вопросу о понятии преступления в сети Интернет

Появление новых информационных технологий не зависит строго от существующих норм права, но для их применения необходимы нормы права, адекватно отражающие реалии общественного развития. Ситуации применения информационных технологий в силу их бурного развития и приобретаемой значимости в различных сферах жизни общества и государства оказывают все большее влияние на реализацию прав и свобод человека и гражданина¹ и закономерно приводят к возрастанию криминальной активности в указанной сфере.

По данным международной аналитической компании International Data Corporation за 2009 г. количество данных, хранящихся в цифровом виде, увеличилось на 62%, и к 2020 г. будет размещено информации в сети Интернет в 44 раза больше, чем в 2009 г.²

¹ См. напр.: Федеральные законы от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 172; от 10.01.2002 № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» // СЗ РФ. 2002. № 2 Ст. 127; постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 531.

² Аналитики International Data Corporation подсчитали объем цифровых данных [электронный ресурс] <http://www.securitylab.ru/news/393564.php> 01.05.2010

Показателем роста значимости сферы информационного обмена в русскоязычном сегменте сети Интернет является появление первого национального домена на кириллице¹. По итогам 2009 г. число пользователей сети Интернет в России увеличилось на 31,5% и достигло 59,7 млн. человек, объем рынка информационных технологий составил 496,5 млрд. руб.²

Приведенные данные определяют актуальность развития законодательства, в том числе предусматривающего уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. В данном контексте Россия не является исключением, в ней ежегодно отмечается рост числа зарегистрированных преступлений в сфере компьютерной информации. Сведения уголовной статистики показывают, что если в 1997 г. было зарегистрировано 33 преступления в сфере компьютерной информации, то в 2002 г. – уже 4050, в 2007 г. – 7236, 2008 г. – 9010, по итогам 2009 г. – 11 636. Несмотря на то что в общем числе зарегистрированных преступлений удельный вес преступлений в сфере компьютерной информации составляет незначительную долю, количество ежегодно регистрируемых преступлений представляет собой стабильно растущий показатель преступности.

Стремительное развитие телекоммуникационных и компьютерных технологий сопровождается активным формированием законодательства в данной области, и проблема выработки терминологии приобретает особую важность.

Специфика исследуемой области заключается в значительном заимствовании терминов из технических дисциплин для регулирования новых формирующихся отношений. Условиями подобного заимствования является то, что специальные технические термины должны не только отражать явления, но также быть в той или иной степени признанными как в технической, так и в юридической науке³.

В научных трудах употребляется целый набор пересекающихся в смысловом плане терминов, например «преступность в области компьютерной информации», «преступления в сфере высоких технологий», «преступность в сети Интернет», «киберпре-

¹ Рос. газ. 2010. 13 мая.

² Финансовые известия. 2010. 13 мая.

³ *Новак Д.* Обнаружение нарушений безопасности в сетях / пер. с англ. Д. Новак, С. Норткат. 3-е изд. М., 2003. С. 25 – 43.

ступность»¹, «информационная преступность»², «компьютерная преступность и преступления»³, «информационные компьютерные преступления»⁴ и т. д.

В Уголовном кодексе РФ отсутствуют такие понятия, как «компьютерные преступления и компьютерная преступность»⁵. Следовательно, понятие «компьютерная преступность» является криминологическим и в этом контексте определяется как совокупность преступлений, где компьютерная информация – предмет преступных посягательств, а также преступления, которые совершаются посредством общественно опасных деяний, предметом которых является компьютерная информация⁶.

В рамках кримиолого-криминалистического подхода М.С. Гаджиев предлагает считать понятия «компьютерное преступление» и «преступление в сфере компьютерной информации» равнозначными⁷. Представляется, что понятие «компьютерное преступление» охватывает как преступления в сфере компьютерной информации, так и другие компьютерные преступления.

Несмотря на то что в Уголовном кодексе РФ термин «компьютерное преступление» отсутствует, гл. 28 Уголовного кодекса РФ носит название «Преступления в сфере компьютерной информации» и содержит статьи, криминализующие соответствующие деяния: «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (ст. 272); «Создание, использование и распространение»

¹ *Войниканис Е.А.* Информация. Собственность. Интернет: традиция и новеллы в современном праве. М., 2004. С. 65.

² *Горшенков Г.Н.* Киберкриминология: к понятию «информационная преступность» // Рос. криминологический взгляд. 2005. № 4. С. 93 – 96.

³ *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой* / под общ. ред. С.И. Никулина. М., 2001. С. 883.; *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. М., 2000. С. 647.

⁴ *Российское уголовное право: курс лекций. Т. 5. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка* / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. С. 577.

⁵ *Айсанов Р.М.* Состав неправомерного доступа к компьютерной информации в российском, международном и зарубежном уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 20.

⁶ *Криминология: учеб. для вузов* / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2003. С. 673 – 675.

⁷ *Гаджиев М.С.* Криминологический анализ преступности в сфере компьютерной информации (по материалам Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004. С. 19.

ние вредоносных программ для ЭВМ» (ст. 273); «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети» (ст. 274). К сожалению, в современных условиях список преступлений в данной сфере, которыми оперирует Уголовный кодекс РФ, является весьма не полным.

В связи с этим С.Д. Бражник предлагает расширить круг криминализованных деяний в гл. 28 УК РФ путем включения в него: компьютерного терроризма, компьютерного шпионажа, причинения имущественного вреда путем изменения компьютерной информации, компьютерного мошенничества¹. На наш взгляд, наиболее важным были бы подобные новеллы в отношении взаимоотношений в сети Интернет в силу присущих ему особенностей: межгосударственности, анонимности, распространенности².

Преступность в сети Интернет, которая является частью компьютерной преступности, выделяется в некоторых научных трудах как отдельный вид преступности. В частности, И.М. Расолов выделяет преступность в сети Интернет в отдельный вид преступности, но использует понятия «киберпреступность», «преступность в Интернете», «компьютерная преступность» как равнозначные³.

Вместе с тем следует отметить, что Интернет-преступность является частью компьютерной преступности, если выделять компьютерную преступность по средству совершения, так как любое Интернет-преступление – это компьютерное преступление, но не наоборот.

Т.П. Кесарева определяет преступность в сети Интернет как запрещенные уголовным законом общественно опасные деяния, совершенные путем вхождения в сеть Интернет с использованием средств компьютерной техники, подключенных к сети Интернет⁴. Между тем, как отмечает Р.И. Дремлюга в монографическом исследовании, никакого «вхождения» в действитель-

¹ Бражник С.Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 157–161.

² Корнилс К. Локализация места ответственности за преступления, связанные с Интернетом // Право и информатизация общества. М., 2002. С. 299.

³ Расолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М., 2003. С. 251 – 253.

⁴ Кесарева Т.П. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в российском сегменте сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 56.

сти не происходит, а существует взаимодействие компьютерной техники и компьютерных сетей¹.

По мнению Т.Л. Тропиной, «киберпреступления» представляют собой преступления, совершенные с помощью или посредством доступа к моделируемому с помощью компьютера информационному пространству². Поэтому следует выделять компьютерные преступления, киберпреступления, Интернет-преступления как новый вид общественно опасных деяний по способу или средству совершения преступлений.

Р.И. Дремлюга обращает внимание на существенные различия в законодательствах по поводу установления ответственности за Интернет-преступления. В связи с этим им предложено определение российской Интернет-преступности (или Интернет-преступности в России), под которой им понимается социально негативное явление, представленное в виде совокупности преступлений (запрещенных УК РФ деяний) и их системы, которые совершены посредством или с помощью сети Интернет с территории Российской Федерации либо с территории других государств, но направленных против интересов Российской Федерации³.

На наш взгляд, помимо доводов, приведенных Р.И. Дремлюгой в своей работе, немаловажным является учет получившего новый импульс развития с появлением национальных доменов (в том числе домена РФ – Россия), принципа национального суверенитета в рамках национальных доменов сети Интернет. В связи с этим следует считать логичным и обоснованным дальнейшую сегментацию сети Интернет в рамках национальных доменов, развитию законодательства, регулирующих отношения в данной сфере и как следствие логичным выделение российской Интернет-преступности.

Некоторые авторы идут дальше и предлагают выделение Интернет-права в отдельную отрасль права⁴. Данное положение в достаточной мере представляется обоснованным, так как Интернет как новый способ взаимодействия породил общественные отно-

¹ Дремлюга Р.И. Интернет-преступность: монография. Владивосток, 2008. С. 26.

² Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 38.

³ Дремлюга Р.И. Указ. соч. С. 28.

⁴ Михайленко Е.В. Информационное право в свете развития глобальной сети Интернет // Закон и право. 2004. № 8. С. 61; Тедеев А.А. Информационное право (право Интернета): учеб. пособие. М., 2005. С. 8, 9.

шения особого вида: Интернет-торговля, Интернет-коммуникация, Интернет-работа, которые существенно отличаются от не Интернет аналогов.

Интернет-преступления и Интернет-преступность имеют отличительные характеристики, дифференцирующие их от других видов противоправных деяний. Интернет-преступление характеризуется следующими свойствами: удаленность, неперсонофицированность, доступность. Интернет-преступность, в свою очередь, отличаются крайне высокая латентность, интеллектуальность, транснациональность, быстрый рост¹.

Неоднозначный характер преступлений, связанных с компьютерной информацией, разнообразные специфические формы преступных посягательств, недостаточная правовая регламентация отношений в сфере информационных технологий и теоретическая разработанность моделей преступных посягательств в указанной сфере создают существенные преграды в противодействии компьютерной преступности и требуют, безусловно, дальнейшей интенсивной научной разработки проблем преступлений в сфере компьютерной информации.

И.В. Цивенко,
соискатель Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**Проблемы осуществления прокурорского надзора
за законностью и обоснованностью разрешения
материалов, обращений и других сообщений
о преступлениях экстремистской направленности**

В соответствии с п. 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Данная норма обязывает осуществлять уголовное преследование за пре-

¹ Дремлюга Р.И. Указ. соч. С. 28 – 30.

ступления экстремистской направленности в строгом соответствии с требованиями процессуального и материального закона.

Начальной стадией уголовного преследования является возбуждение уголовного дела. Для этого необходимы предусмотренные ст. 140 УПК РФ поводы и основания для возбуждения уголовного дела.

Поводом к возбуждению уголовного дела об экстремистских преступлениях является предусмотренный УПК РФ источник первичной информации о готовящемся или совершенном деянии (действии или бездействии), содержащем признаки конкретного состава преступления экстремистской направленности.

Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

А. Халиков, например, выделяет следующие основания для возбуждения уголовного дела о преступлении экстремистской направленности:

материалы оперативных проверок, оформленные в форме рапорта об обнаружении признаков преступления;

заявление о преступлении от лиц, которых хотели, допустим, завербовать в экстремистскую организацию;

явка с повинной лица, которое входило в экстремистскую организацию, но затем добровольно из нее вышло¹.

Как показывает практика и официальная статистика Оренбургской области, по таким преступлениям, как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организация экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ), уголовные дела возбуждаются в единичных случаях.

В основном такие факты вскрываются в ходе проверок обращений граждан и общественных организаций либо расследования других преступлений. Кроме того, имеются факты укрывательства или дачи необъективной юридической оценки подобным

¹ Халиков А. Расследование преступлений экстремистского характера // Законность. 2006. № 8. С. 16.

случаям правоохрнительными органами в момент обращения к ним граждан.

Преступления, совершаемые по мотивам национальной, расовой, религиозной вражды и ненависти, характеризуются достаточно высокой степенью латентности, что нередко связано с бездействием самих потерпевших (в основном это мигранты, находящиеся на нелегальном положении в России), которые не обращаются с заявлениями в правоохрнительные органы.

Зачастую росту латентности подобных преступлений способствуют и представители правоохрнительных органов, которые в силу тех или иных причин умышленно скрывают факты совершения преступления, не уделяя должного внимания жертвам преступления. «Нередко правоохрнительные органы своевременно не реагируют или даже «не замечают» факты распространения в средствах массовой информации экстремистских материалов, их действия в этой области в основном носят фрагментарный характер и не приносят желаемых результатов. Факты совершения преступлений по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды нередко не регистрируются или «списываются» на хулиганские проявления, убийства, не связанные с националистической мотивацией. В результате этого статьи Уголовного кодекса Российской Федерации о преступлениях экстремистской направленности фактически оказываются «не работающими»¹.

Преступления экстремистской направленности характеризуются особой сложностью их выявления и расследования. Успех борьбы с подобными преступлениями обеспечивается только совокупным использованием как процессуальных средств, так и результатов оперативно-розыскной деятельности.

Вместе с тем действующее законодательство, регламентирующее проведение оперативно-розыскных мероприятий, не позволяет в полном объеме использовать весь потенциал оперативно-розыскных мероприятий. Так, ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» разрешает прослушивание телефонных и иных переговоров только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в соверше-

¹ Мусаелян М.Ф. О причинах современного российского молодежного экстремизма // Рос. юстиция. 2009. № 4. С. 44.

нии преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений. В то же время преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 282² УК РФ, отнесено к категории преступлений небольшой тяжести.

В целях совершенствования правового механизма противодействия экстремистской деятельности, повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением указанного законодательства полагаем необходимым внести в законодательство дополнения, предоставляющие право оперативным службам ФСБ и МВД проведения оперативной работы по всем преступлениям экстремистского характера независимо от степени тяжести.

«О сложности расследования преступлений экстремистской направленности свидетельствует уже тот факт, что при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, связанного с экстремизмом, следователь должен тщательно ознакомиться со всеми имеющимися оперативными материалами, которые находятся в специализированных подразделениях ФСБ и МВД. При этом необходимо выделить ту часть оперативных материалов, которые могут быть использованы в качестве доказательств по делу. Это могут быть результаты прослушивания телефонных и иных переговоров, наблюдение, справки и т.д.»¹. Такие результаты оперативно-розыскных мероприятий должны быть легализованы в порядке ст. 11 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ.

А. Халиков указывает на необходимость как можно точнее установить состав экстремистской организации, особенно руководителей ее ячеек в населенных пунктах и микрорайонах. Нельзя ограничиваться отдельной ячейкой с одним руководителем и несколькими членами, поскольку речь идет о преступном сообществе, когда ликвидация одного звена не приведет к исчезновению всей организации в регионе, а, скорее, больше ее законспирирует и даст возможность и далее заниматься преступной деятельностью. Поэтому следователю необходимо потребовать от оперативных работников выявления всей сети экстремистского сообщества в регионе и, в случае необходимости, дать об этом поручение руководителю регионального ведомства ФСБ или МВД².

¹ Халиков А. Расследование преступлений экстремистского характера // Законность. 2006. № 8. С. 16.

² Там же.

На практике при разрешении материалов, обращений и других сообщений о преступлениях экстремистской направленности зачастую возникает проблема определения подследственности уголовных дел, что негативно сказывается на уровне эффективности оперативно-розыскных мер.

Так, состав ст. 280 УК РФ (призывы к экстремистской деятельности) подследствен ФСБ, а близкий ему состав ст. 282 УК РФ – нет. Вместе с тем в соответствии с ч. 6 ст. 8 Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 11.08.2003 № 960) к основной задаче этой службы относится противодействие экстремизму в том числе. Поэтому было бы целесообразнее определить подследственность уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности за органами ФСБ.

При проверке законности разрешения материалов, обращений и других сообщений о проявлениях экстремизма прокурор должен иметь представление об особенностях возбуждения уголовного дела по разным составам преступлений экстремистской направленности, об уголовно-правовой характеристике составов преступлений указанной категории.

Верно замечает заместитель Генерального прокурора Российской Федерации В.Я. Гринь, «имеются особенности статистического учета данных преступлений. Так, большинство насильственных преступлений на момент совершения регистрируется по общеуголовной статистике. Экстремистский мотив выявляется, как правило, позже, в ходе расследования»¹.

Особенность действующего уголовного закона состоит в том, что он криминализует только отдельные акты экстремизма, но не все составляющие экстремистской деятельности: уголовная ответственность за финансирование и иные формы содействия экстремизму отдельной нормой Уголовного кодекса РФ не установлена, поэтому такой вид финансирования не может быть отнесен к разряду преступлений.

¹ *Актуальные проблемы противодействия экстремизму. Совершенствование механизмов взаимодействия субъектов антиэкстремистской деятельности: матер. науч.-практич. конференции (26 – 29 апреля 2009 г., г. Екатеринбург) / отв. ред. Н.Н. Тарасов. Екатеринбург, 2009. С. 6.*

В соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

Пункт 3 ч. 1 ст. 299 УПК РФ требует устанавливать, является ли деяние преступлением и каким пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса РФ оно предусмотрено.

Важность данного положения закона подтверждается также тем обстоятельством, что приказ Генерального прокурора РФ от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» обязывает прокуроров субъектов Российской Федерации, приравненных к ним военных прокуроров и прокуроров иных специализированных прокуратур принимать обоснованные меры реагирования «исходя из законодательного определения понятия «экстремизм».

Отступления от этого основополагающего положения могут повлечь ошибки в правоприменении и в осуществлении прокурорского надзора за исполнением закона об уголовном преследовании за совершение экстремистских преступлений.

Главными ориентирами в организации прокурорского надзора за исполнением органами дознания и предварительного следствия требований уголовно-процессуального законодательства при приеме, регистрации, проверке и разрешении сообщений о преступлениях экстремистской направленности являются приказы, указания Генерального прокурора Российской Федерации.

«Особое внимание Генеральный прокурор РФ уделяет проверке:

сообщений СМИ о преступлениях, по которым предварительное следствие обязательно, что УПК РФ прямо не предусмотрено;

сроков регистрации сообщений о преступлениях и их проверок, порядка продления сроков; достоверности документов и результатов проверки сообщений;

правильности применения норм материального и процессуального права;

а также:

уведомлению заявителя о результатах рассмотрения его сообщения (п. 1.2 приказа Генерального прокурора РФ от 06.09.2007 № 136);

разъяснению ему права на обжалование принятого решения и порядка такого обжалования»¹.

Прокурорский надзор за законностью и обоснованностью разрешения материалов, обращений и других сообщений о преступлениях служит важной гарантией реализации принципов уголовного судопроизводства на досудебной стадии.

Мерами прокурорского надзора возможно снизить уровень латентности преступлений экстремистской направленности, поставив на учет ранее незарегистрированные правоохранительными органами преступления указанной категории, в том числе тщательно скрытые сотрудниками правоохранительных органов.

С.М. Яхьяева,

младший научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Децентрализация как способ взаимоотношений центральной власти и регионов

Проблема взаимоотношений государства со своими учреждениями на местах, а также с территориальными публичными коллективами представляется серьезной довольно давно, поскольку с определенного момента развития современных стран централизованное прямое управление со строгой иерархической подчиненностью потеряло свою целесообразность и эффективность. Как только публичность власти перестала являться исключительным признаком государства, ею стали наделяться и территориальные коллективы, что способствовало активизации процессов децентрализации и деконцентрации.

¹ Колоколов Н.А. Генпрокурор восполняет пробелы // ЭЖ-Юрист. 2008. № 12.

Эти понятия не следует смешивать, хотя и в том, и в другом случаях ставится вопрос о передаче компетенции, а также некоторых служб и средств из центра на места. Однако коренное различие между ними заключается в том, что при деконцентрации властные полномочия делегируются государством своим структурным звеньям, т.е. центральный аппарат управления наделяет властью свои периферийные службы, тогда как при децентрализации, напротив, делегирование властных полномочий осуществляется от одного юридического лица (государства) к другому (территориальный коллектив).

Тем не менее единого мнения относительно точного содержания данных понятий нет. По мнению Ш. Эйзенмана, они – синонимы. Действительно, деконцентрация и децентрализация имеют ряд общих моментов, являясь «двумя различными видами перемещения властных полномочий из центра на места»¹. Однако большинство ученых все же придерживаются точки зрения, что понятия эти различаются, хотя и в том, и в другом случае ставится вопрос о передаче компетенции, а также некоторых служб и средств из центра на места. «Деконцентрация – отмечает Ж. Ведель: – это лишь техника управления, которая сама по себе не равнозначна развитию демократии, поскольку она сохраняет всю администрацию в распоряжении центральной власти или ее представителей»². Реформы по деконцентрации имеют «управленческий, а не политический смысл: в географическом отношении аппарат управления приближается к гражданам, но сами они никакой властью не наделяются»³. При децентрализации же происходит непосредственное отчуждение полномочий государства как юридического лица «в пользу другого юридического лица, каковым является местный управленческий коллектив – коммуна или департамент или же государственное учреждение»⁴. Подчеркивая различия между двумя этими явлениями, Ж.-М. Оби приводит следующий пример: расширение полномочий муниципалитетов за счет функций, традиционно входивших в компетенцию центральных властей, – это децентрализация, а наделение комиссара

¹ Брэбан Г. Французское административное право. М., 1988. С. 87.

² Ведель Ж. Административное право Франции. М., 1973. С. 392.

³ Брэбан Г. Указ соч. С. 87.

⁴ Там же. С. 57.

Республики правом самостоятельного решения вопросов, не дожидаясь одобрения из центра, – деконцентрация.

Таким образом, деконцентрация используется в случае, когда сосредоточение широкого круга полномочий в руках одного органа нецелесообразно. Тогда вышестоящая инстанция передает часть своих полномочий нижестоящей, сохраняя при этом всю полноту ответственности, т.е. подчиненный орган действует от имени властного, который может отменить принятое им решение, а также вернуть обратно переданные полномочия. Следовательно, деконцентрация не меняет основного метода управления, который остается централизованным, в то время как при децентрализации, по мнению Д. Гарнера, каждый орган существует независимо и по закону наделяется полномочиями самостоятельно принимать решения и даже имеет право на ошибки в пределах предоставленных ему полномочий. Центральное правительство контролирует только способ, которым децентрализованные органы осуществляют свою деятельность¹.

Первейшая цель децентрализации состояла в оптимизации управления на местах, чтобы сделать его более эффективным и более рациональным. Кризис законности в управленческой деятельности заставил задуматься о путях модернизации.

Однако, несмотря на то что может создаться впечатление, будто политика децентрализации превращает унитарные государства в федеративные, поскольку территориальные коллективы становятся самостоятельными юридическими лицами, это не всегда соответствует действительности, так как одного этого критерия не достаточно для того, чтобы обеспечить их подлинную самостоятельность, если помимо всего прочего оно не располагает необходимыми ресурсами или средствами, потому что подчинено жесткому контролю государства. Действительно, реальная децентрализация полностью зависит от государства. Оно является хозяином всей своей территории. Контролируя деятельность децентрализованных коллективов, оно, с одной стороны, охраняет интересы всего национального сообщества, а с другой – интересы отдельных лиц от возможных злоупотреблений местных властей.

¹ См.: Гарнер Д. Великобритания: центральное и местное управление. М., 1984. С. 289.

С этой точкой зрения Ф. Ардана трудно не согласиться¹. Поэтому децентрализация вовсе не означает перерастания в федерализм. Как отмечает Ж. Ведель, если децентрализация «ведет к возникновению публичных юридических лиц, иных, нежели государство, то эти публичные юридические лица имеют чисто административный характер и совершенно не располагают законодательной или судебной властью². В свою очередь Р. Драго выделяет несколько отличительных черт децентрализации в сравнении с идеальным «чистым» самоуправлением³. Во-первых, хотя местные органы власти являются выборными, но наряду с ними имеются и назначенные. Во-вторых, административная автономия децентрализованных властей ограничена законом: есть управленческие функции, которые выполняют государственные органы в полном объеме, и есть такие, которые поделены между государством и местными коллективами. В-третьих, местные коллективы имеют статус юридического лица и наделены бюджетной автономией, однако также находятся под финансовой опекой.

Подобное положение вещей говорит об использовании во многих странах децентрализации не как способа управления, противопоставленного централизации, а как его дополняющего. Так, если децентрализуется управление в одних сферах, то оно должно централизоваться в других, чтобы не нарушилась целостность всей системы. В свою очередь, централизация неэффективна при управлении крупными системами, тогда как децентрализация при возникновении той или иной проблемы дает оперативную возможность принимать решение тому органу, который наиболее в данном случае к ней приближен и о ней осведомлен. Именно поэтому в крупных государствах федерация является формой государственно-территориального устройства как наиболее полное проявление территориальной децентрализации. Территориальная децентрализация предполагает передачу органами вышестоящего уровня части своих полномочий нижестоящим органам, а также создание субъектов федерации либо наделение значительной степенью автономии наиболее крупных административно-территориальных единиц, формирование системы местного самоуправления.

¹ См.: Ардан Ф. Франция: государственная система. М., 1994. С. 38.

² Ведель Ж. Административное право Франции. М., 1973.

³ См.: Драго Р. Административная наука. М., 1982. С. 131, 132.

Функциональная децентрализация осуществляется в связи с перераспределением функций между структурными единицами одного уровня путем образования специализированных автономных структур в случаях, требующих быстрого реагирования, когда жесткая централизованная система управления неспособна найти оперативное решение чрезвычайных проблем.

По словам Ж. Веделя, централизация позволяет добиться максимальной эффективности управления с наименьшими затратами, так как центральная администрация располагает техническими средствами, необходимыми при операции сколько-нибудь крупного масштаба¹. Децентрализация же позволяет эффективно расходовать средства на более низком уровне управления и неизбежно создает большее количество управленческих единиц, из-за чего в совокупности требует больших затрат.

Из изложенного видно, что децентрализация как способ взаимоотношения центральной власти и регионов может применяться для разнообразных целей в зависимости от различных внутригосударственных особенностей каждой отдельной страны. Так, Р. Эбель отмечал, что «западный мир рассматривает децентрализацию как альтернативу для оказания социальных услуг менее затратным способом. Развивающиеся страны проводят ее для повышения эффективности экономики и улучшения управления. Постсоветские страны проводят ее как естественный шаг в переходе к рыночной экономике и демократии. Латинская Америка рассматривает децентрализацию как способ демократизации. Африка – как путь к национальному единству»².

Тем не менее, несмотря на довольно широкое распространение децентрализационных процессов, говорить о снижении роли государства не приходится, поскольку регионализация, передача функций местному самоуправлению, парагосударственным органам, наоборот, способствует, с одной стороны, высвобождению ресурсов для решения других, не менее важных, чем региональные, задач, а с другой – сосредоточению центральной власти на общегосударственных и межгосударственных проблемах и их решениях.

¹ Ведель Ж. Указ. соч. С. 400, 401.

² Цит. по: *Децентрализация управления в зарубежных государствах*. М., 2009. С. 11.

Содержание

<i>Курдюков А.Н.</i> Некоторые аспекты преодоления прокурором противодействия уголовному преследованию в судебном заседании первой инстанции при рассмотрении уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности.....	3
<i>Кухтяева Е.А.</i> Правовая природа вердикта.....	8
<i>Медвецкая И.Д.</i> Понятие «экстремальные условия» при совершении невинного деяния.....	13
<i>Некоркин Д.А.</i> Опыт стран СНГ о применении частных определений (постановлений) суда по уголовным делам...	21
<i>Осинов В.С.</i> Проблемы борьбы с преступными сообществами в исправительных учреждениях ФСИН России.....	26
<i>Ошлыкова Е.А.</i> Прокурорский надзор за законностью и обоснованностью возбуждения уголовных дел о незаконном сбыте наркотических средств.....	33
<i>Павловская Н.В.</i> К вопросу о расширении перечня коррупционных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.....	40
<i>Петухова И.В.</i> Обеспечение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.....	46
<i>Сафронский Г.Э.</i> Особенности тактики осмотра в судебном следствии.....	49
<i>Семенов А.С.</i> Взаимодействие прокуратуры и органов публичной власти в 50 – 80-х гг. XX века.....	55
<i>Серая О.Г.</i> Рассмотрение обращений, поступивших от граждан по электронным средствам связи (состояние и пути совершенствования).....	59
<i>Симонова И.С.</i> Укрытия преступлений в органах внутренних дел: результаты пилотажного исследования.....	63
<i>Терентьева Е.В.</i> К вопросу о предпосылках для ратификации Российской Федерацией Конвенции № 176 МОТ «О безопасности и гигиене труда на шахтах» (Женева, 22 июня 1995 г.).....	69

<i>Терехова Е.Н.</i> Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, как преступление с усеченным составом.....	76
<i>Филимонов В.О.</i> Права и свободы человека и гражданина как предмет правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации.....	81
<i>Халиуллин А.И.</i> К вопросу о понятии преступления в сети Интернет.....	86
<i>Цивенко И.В.</i> Проблемы осуществления прокурорского надзора за законностью и обоснованностью разрешения материалов, обращений и других сообщений о преступлениях экстремистской направленности.....	91
<i>Яхьяева С.М.</i> Децентрализация как способ взаимоотношений центральной власти и регионов.....	97

**Актуальные проблемы
юридической науки и практики:
взгляд молодых ученых**

Сборник статей

Часть II

Редактор Т.Д. Четверикова
Корректор Т.Д. Баранова

Подписано в печать 07.06.2011. Формат 60х90/16. Печ.л. 6,5.
Тираж 50 экз. Заказ 25.

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации
123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15